

ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
Н.А. ЛАКОБА

НЕСТОР

Альманах

№ 6

Сухум, 2025

УДК 93/94(050)
ББК 63.3(5Абх)6я54
Н 56

Главный редактор:

С.З. Лакоба

Редакционная коллегия:

Н.Д. Ашуба, А.Я. Дбар (отв. секретарь), А.Р. Латария

НЕСТОР. Альманах. № 6. Сухум, 2025. – 128 с.
Г/р 978-5-111-10022

«**Нестор**» – альманах Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба, в котором публикуются историко-публицистические материалы по абхазской тематике, в основном, 20–30-х гг. XX века.

© Историко-мемориальный музей Н.А. Лакоба, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Станислав Зосимович Лакоба (1953–2025)	5
Аслан Авидзба: Не у всех есть такой дар. Он был у Станислава Лакоба	7
Станислав Лакоба: «Концепция экспозиции Музея Нестора Лакоба – это политическая история XX века»	10
Геннадий Цулая. Памятник и могила Келиша Чачба (Шервашидзе)	14
Отто Лакоба. Из истории Пицундского маяка	35
Аслан Авидзба. Об одном эпизоде из истории Дурипшского схода.....	43
Диана Ахба. О книге Адиле Аббас-оглы «Не могу забыть.....	55
Алексей Дбар. Лев Толстой и Абхазия: малоизвестные материалы; Как Чайковский проспал Сухум.....	56
<i>ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ПИСЬМА</i>	
Из дневников и воспоминаний Дмитрия Милютина.....	62
Из дневника Теодора Драйзера.....	67
Из дневника Сергея Пионтковского	68
Из писем Дмитрия Шостаковича Ивану Соллертинскому.....	69
Из дневника Лазаря Бронтмана	76
<i>ПО СТРАНИЦАМ КНИГ</i>	
Александр Френкель. Очерки Чурук-су и Батума	77
Вера Желиховская. По берегам Черного моря: из писем к подруге	78
Владимир Тан-Богораз. На солнечном берегу	87
Константин Ковач. Предисловие к книге «Два Маджа»	106
<i>ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ</i>	
А. Борисов. Театральные впечатления	108
Приказ № 7	110
Самсон Чанба. Сухум, 28-го марта 1918 года	111
Филипп Махарадзе. Письмо Центральному комитету и Революционному комитету Абхазии	113

Аарон Меерович. Памяти С.С. Кошко	114
Ег. Колышкин. Негры в Абхазии	116
ФОТОАРХИВ.....	120
ХРОНИКА.....	122
Печатные издания Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба.....	124

СТАНИСЛАВ ЗОСИМОВИЧ ЛАКОБА
(1953–2025)

20 сентября 2025 г. оборвалась жизнь известного абхазского историка, поэта, писателя, журналиста, общественного и политического деятеля, кандидата исторических наук, профессора Абхазского государственного университета, главного научного сотрудника отдела истории АБИГИ, лауреата Государственной премии им. Д.И. Гулиа, заслуженного деятеля науки Республики Абхазия, заместителя директора Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба, главного редактора альманаха «Нестор» Станислава Лакоба.

Станислав Зосимович Лакоба родился в Сухуме 23 февраля 1953 г. Окончил историко-филологический факультет СГПИ (1976). Работал корреспондентом газеты «Советская Абхазия» (1976–1978), ученым секретарем Общества охраны памятников истории и культуры Абхазии. Защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Абхазия в годы первой российской революции» (1985). С 1980 г. работал в АБИЯЛИ им. Д.И. Гулиа (ныне – АБИГИ им. Д.И. Гулиа АНА) научным сотрудником, заведующим отделом истории, ведущим научным сотрудником, главным научным сотрудником. Главный редактор коллективного учебного пособия «История Абхазии» (1991; 1993). В 2000 и 2004 гг. в качестве приглашенного профессора занимался научной работой в Центре славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония).

С. Лакоба – депутат Верховного Совета РА (1991–1996), в 1993–1994 гг. – первый заместитель Председателя ВС РА, а в 1994–1996 гг. – первый вице-спикер Парламента РА, в 2005–2009 гг. и в 2011–2013 гг. – секретарь Совета Безопасности РА.

С. Лакоба был членом Союза журналистов СССР (с 1980 г.) и Союза писателей Абхазии. Академик АМАН (2022), с 2023 г. – один из основателей и председатель Фонда «Абхазское историческое общество».

Среди наиболее известных работ С. Лакоба: «Боевики Абхазии в революции 1905–1907 годов» (1984); «Абхазия в годы первой Российской революции» (1985); «Крылились дни в Сухум-Кале. Историко-культурные очерки» (1988; 2011; 2023); «Очерки политической истории Абхазии» (1990); «Столетняя война Грузии против Абхазии» (1993); «Асланбей» (1999); «Ответ историкам из Тбилиси» (2001); «Абхазия – де-факто или Грузия – де-юре?» (2001); «Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв.» (2004); «История Абхазии» (2006, 2007) (соавт.); «Избранное. (Стихи и рассказы)» (2011); «Из века в век» (2022) и др.

АСЛАН АВИДЗБА:

НЕ У ВСЕХ ЕСТЬ ТАКОЙ ДАР. ОН БЫЛ У СТАНИСЛАВА ЛАКОБА

Абхазия потеряла видного историка, государственного и общественного деятеля Станислава Лакоба. О работе со Станиславом Лакоба рассказывает его коллега и друг – Аслан Авидзба, доктор исторических наук, заведующий отделом новой и новейшей истории АБИГИ. Они вместе основали «Абхазское историческое общество», работали над архивными материалами, издавали книги.

Какую роль в вашей жизни сыграл Станислав Лакоба?

20 сентября около пяти часов остановилось сердце Станислава Зосимовича, и с этого момента не только в Абхазии, но в моей жизни и в мире стало чуть меньше принципиальности, профессионализма и справедливости. В моей профессиональной деятельности он занимал ключевое место. И в отношениях он был очень внимательный человек, интересовался не только тобой, но и всеми близкими, т.к. он понимал, что, если тебе дома плохо, то плохо везде. Его уход – большая потеря для истории нашей страны, ее современности и будущего, и для меня это очень большая личная потеря.

В плохую погоду люди находят большое дерево с густой кроной и под ним прячутся во время бури. Этой густой кроны нет после ухода Олега Хухутовича Бгажба и Станислава Зосимовича Лакоба. В науке тоже нужны бойцы, такие же смелые, как люди, защищающие родину с оружием в руках. В науке даже сложнее, потому что нужно хорошо знать предмет и уметь аргументировать так, чтобы даже враги тебя воспринимали. Это не легко и не у всех такой дар есть. Он был у Станислава Лакоба. В науке важна преемственность, без нее смысл того, что они делали, может обесцениться. После того, как их не стало, очень ответственно жить и называться историком.

Вы много лет работали со Станиславом Лакоба, что отличало его от других ученых-историков?

Удивительная внимательность к деталям в истории. Он видел то, что другие не замечали, хотя мы читали одни и те же источники. Он делал другие выводы и умел очень убедительно аргументировать.

Вы могли бы привести пример?

Примеров много. Возьмем хотя бы Дурипшский сход, по которому среди ученых идет полемика.¹

Аслан, над чем в последнее время вы со Станиславом Лакоба работали?

Я не могу сказать, что Станислав Зосимович был командным человеком, он любил все делать сам и, чтобы все делалось под его началом. Он и все мы, близко общавшиеся с ним, не придавали значения должностям. Вы знаете, что он никогда не держался ни за какой пост. Вместе с Олегом Хухтовичем Бгажба они уговорили меня возглавить отдел. Они – мои старшие учителя, я у них учился тому, как заниматься наукой и как относиться к жизни. Теперь они оба ушли...

Мы планировали подготовить к изданию очерки по новой и новейшей истории (XIX, XX и XXI век), но не успели. Мы также хотели подготовить к изданию и опубликовать материалы по Дурипшскому сходу, которые мне передали из архива Фонда Первого Президента Абхазии. Станислав Зосимович должен был быть редактором, и он будет редактором, но уже посмертно, к сожалению. Он очень переживал за этот Дурипшский сход, говорил, что времена меняются и надо поторопиться, потому что историография всегда подвержена политике. Но я тогда думал, что он был всегда и всегда будет. Он был глыбой в разных ипостасях: как историк, как государственный деятель, как поэт, с его уходом интеллект Абхазии понес невосполнимую утрату, а мы остались со своими думами о нем. Он был одним из тех, кто создавал это государство вместе с Владиславом Ардзинба, он до войны и во время войны был его ближайшим соратником.

Аслан, расскажите, пожалуйста, как возникла идея Абхазского исторического общества, которое было создано?

В какой-то момент собралась группа единомышленников, историки всегда на острие, а наш мир переполнен проблемами.

¹ Подробнее о Дурипшском сходе рассказывается в статье Аслана Авидзба «Об одном эпизоде из истории Дурипшского схода», помещенной в данном номере альманаха.

И эти проблемы бьют в первую очередь по маленьким народам и маленьким государствам, для которых их история – это национальное достояние. Некоторые люди, в том числе извне, стали говорить о нашей истории, причем без участия историков из АГУ и АБИГИ. Если мы не сможем сохранить эти ценности, то мы не сможем воспитать наших молодых историков. Какой смысл в нашей работе, если завтра это все перепишется?

Нашей главной целью было создать трибуну, на которой историки, думающие так же, как мы, смогут высказываться, обсуждать важные темы, где можно провести круглый стол или конференцию, чтобы любой спор оставался в цивилизованных рамках, принятых в научном мире.

Нас было восемь человек, Станислав Зосимович занимался юридическим оформлением, он нашел такую форму, как Фонд «Абхазское историческое общество», учредителем этого Фонда стал Олег Хухутович Бгажба; на первом заседании Станислава Зосимовича избрали президентом Фонда. В правление Фонда вошли все члены этого исторического общества, он был зарегистрирован в 2023 году.

Выпущен первый-второй номера историко-культурного альманаха «Времена», а сейчас приступаем к изданию третьего-четвертого номеров, там два грифа – Абхазское историческое общество и Центр «Абхазская энциклопедия».

Вы удивитесь, но мы также некоторые книги (объемом не более 150 страниц) издавали за свой счет, составляли сборники, собирали деньги и издавали маленькими тиражами.

*Елена Заводская. 24 сентября 2025 г.
(Публикуется с незначительными сокращениями)*

СТАНИСЛАВ ЛАКОБА:

«КОНЦЕПЦИЯ ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ НЕСТОРА ЛАКОБА – ЭТО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА»

(Одно из последних интервью С.З. Лакоба, данное им 9 сентября 2025 г. журналисту Елене Заводской)

На прошлой неделе президент Абхазии Бадра Гунба пригласил к разговору историка Станислава Лакоба, в результате чего были даны поручения министру культуры Кове, строителям и архитекторам подготовить историко-мемориальный музей Нестора Лакоба к размещению экспозиции и внести необходимые средства в бюджет республики на следующий год. Появилась надежда на то, что музей, наконец, будет работать и жить полноценной жизнью.

Судьба музея трагическая и не простая. Его открыли в 1982 году в доме, в котором жил первый глава правительства Абхазии (1922–1936 гг.) Нестор Лакоба, ныне на улице Лакоба в Сухуме. В 1992 году после ввода войск Госсовета Грузии в Абхазию его разграбили военные, а при отступлении грузинских сил из Сухума 27 сентября 1993 года музей сгорел. К 80-летию гибели Нестора Лакоба 28 декабря 2016 года решением президента и постановлением правительства музей был воссоздан, но дальше указов дело не сдвинулось. К ремонту здания приступили только в 2022 году, в 2024 году его завершили, и на этом остановились. Сегодня здание музея замерло в ожидании экспозиции.

В музее ведется научная и просветительская деятельность, издается литература, эту работу с 2018 года проводят историки Станислав Лакоба и Алексей Дбар. За это время были изданы пять номеров альманаха «Нестор» и 16 книг и брошюр. Это публикации газетных статей, воспоминаний, исторических документов.

Ядро экспозиции музея составляет архив супруги Нестора – Сарии Лакоба, вернее та его часть, которую передал музею ее брат – Мусто. Архив уже много лет пылится в одном из подсобных помещений Абгосмузея, чтобы переместить его в здание музея Нестора Лакоба необходимо оборудовать помещение и

сделать на окнах решетки.

Предстоит важная часть работы по восстановлению музея – сбор и размещение в готовом здании экспозиции. Об этом мы поговорили со Станиславом Лакоба.

– Какие экспонаты есть у музея? Где они хранятся? Как они были собраны?

– Это, прежде всего, личный архив Нестора Лакоба, который в 1950-х годах был расконсервирован в этом доме младшим братом Сарии – Мусто. Впоследствии он переехал в Батуми и увез туда этот архив. Сария в свое время его скрыла, потому что искали эти документы, которые изобличали в том числе Берия и других деятелей сталинского периода. В частности, где он (Берия) просит Нестора замолвить слово о нем перед Кобой (Иосифом Сталиным), чтобы он его принял, потому что тот долгое время Берия не принимал напрямую и говорил, что здесь хозяин – Лакоба и только через него. Это было записано со слов генерала Власика.

И этот довольно богатый архив сохранился. Мы в свое время ездили в Батуми с Людмилой Малия, она была назначена директором музея, с нами ездил также Заканбей Михайлович Миканба, который вместе с Мусто учился в Новочеркасском индустриальном институте. Они были студентами, коллегами, друзьями. Нам удалось уговорить брата Сарии показать нам этот архив и передать часть его. Я тогда ознакомился на 90 % со всеми документами этого архива. После смерти Мусто архив оказался в Америке.

В здании музея 27 сентября 1993 года был пожар, это произошло, когда силы Госсовета выходили из Сухума, загорелся соседний дом бывшего наркомздрава – Вианора Тарасовича Анчабадзе, огонь перекинулся на здание музея. Но еще до того, когда войска Госсовета вошли в Абхазию, они разграбили музей, забрали вещи, которые здесь были, – оружие и другие ценные предметы из личного имущества Нестора и Сарии. Пострадала часть того, что было на витринах. У нас была автобиография Нестора Лакоба, несколько листков из нее потеряно, потому что музей разгромили. Тогда одна из сотрудниц – Нана Камкия вместе с бывшим заместителем министра культуры Шотой Абутидзе перенесли архив и спрятали в Абхазском театре, благодаря

этому он сохранился. А такие мемориальные вещи как столик, рояль и так далее, все это пропало или потом сгорело. Теперь очень сложно восстанавливать, есть несколько кресел, которые мне в свое время передали Вера Георгиевна Лакоба, жена Михаила, и ее дочка Саида, наследница. Эти два кресла стоят сейчас наверху, их Сария Лакоба подарила жене Михаила, брата Нестора. Можно найти похожие вещи, такие как патефон, телефон, их надо покупать.

– *А можно подобные вещи найти сегодня в Абхазии?*

– В Абхазии, думаю, нет, но через интернет можно найти и купить. У нас была история, когда один человек говорил, что есть телефон Нестора, но через какое-то время сообщил, что ошибся.

– *Существует ли фотография кабинета Нестора Лакоба, чтобы его можно было реконструировать?*

– Все это было здесь, но все сгорело, и фотографии тоже. Много смогла пополнить Людмила Магия. Когда восстанавливали музей, было понятно, где какая комната, сейчас здесь все несколько по-другому.

В общем, концепция такова: там должны быть и соратники Нестора Лакоба, нужно показать их тоже, потому что есть категория людей, которые говорят, что советский период не нужен, что там ничего интересного не было, хотя интерес к этому периоду год от года возрастает.

Во времена Нестора многое было сделано, например, посмотрите архитектуру, это здания, которыми мы до сих пор гордимся, такие как гостиница «Абхазия», Национальный банк, дом Фишкова, два крыла дома правительства, Сухумский физико-технический институт, это же все при нем было построено. В Сухуме работали в то время выдающиеся ученые, один Вавилов чего стоит! Был научно-исследовательский институт растениеводства, где занимались генетикой, возьмите ИЭПиТ, ВИЭМ так называемый, все это – передовые направления. Вавилов в 1932 году отметил, что под просвещенным руководством Нестора Лакоба большие успехи были достигнуты в области науки и культуры. Все это вычеркивать невозможно, в некоторых республиках отличились, создали музеи оккупации, а здесь – это советский период, конечно, не все было просто, много было минусов, мы знаем, что было в 1930–1950 годы.

По большому счету, концепция экспозиции – это политическая история XX века, то, что тогда происходило в Абхазии.

– *Тема репрессий будет раскрыта?*

– Она неизбежна, были затронуты его соратники, политические деятели. В 2019 году в Екатеринбурге Путин сказал об этих репрессиях в Абхазии: «Сейчас даже не хочу воспроизводить то, что тогда тут творилось»... Это его высказывание. И естественно, о многих людях здесь должно быть рассказано.

Мы очень многие вещи не знаем, их можно было бы интересно отобразить. Тем более, что от этого музея как бы веточки расходятся, соединяя нас с тем временем.

Например, аллея пальм «вашингтония» около гостиницы «Абхазия», ведь мы не знали до недавнего времени, пока воспоминания своего деда Владимира Гвалия не опубликовала врач второй горбольницы Инесса Аргун. Оказывается, Нестор Лакоба командировал ее деда, который был ученым-агрономом в Америке, чтобы найти там интересные растения для Абхазии. И он, находясь в Майами, увидел эти пальмы «вашингтония». Они ему очень понравились, он купил саженцы и отправил в Батум, а из Батума их переправили сюда. И в октябре 1936 года была высажена аллея пальм. В это же время завершили строительство «Абхазии», а в декабре 1936 года Нестора уже не стало...

Очень много интересного есть в нашей истории, тем более, когда новый мэр города Тимур Агрба говорит о том, что вместе с историками надо какие-то вещи делать, есть очень значимые факты, которые будут интересны не только туристам, но и местным жителям. Все отнеслись бы к ним с интересом.

Елена Заводская

Геннадий Цулая ПАМЯТНИК И МОГИЛА¹ КЕЛИША ЧАЧБА (ШЕРВАШИДЗЕ)²

*«У абхазов есть четыре основных
символа независимости, государственности
и истории, которые пытались у них
отнять в разные времена.
Это Леон, Келишбей,
Нестор Лакоба и Владислав Ардзинба.
Пока эти символы будут, будет и Абхазия».*
Станислав Лакоба

2 мая 1808 г. в Сухумской крепости был убит владетель Абхазии Келиш-бей³ Чачба-Шервашидзе. Он был похоронен внутри крепости, а в конце 1930-х гг. памятник стали уничтожать⁴. При чем борьба с памятником и его могилой продолжалась до 1970-х гг. После этого многие историки, краеведы, археологи и другие искали могилу Келиша.

В 2023 г. к 215-летию со дня гибели владетеля историк Станислав Зосимович Лакоба в интервью Абхазскому телевидению рассказал интересные и важные подробности о могиле Келиш-бея, где впервые задался вопросом о времени сооружения памятника, который сохранился на единственной известной фотографии 1918 г. С. Лакоба считает, что сооружение могли поставить над могилой после снятия виновности и до Первой миро-

¹ По поводу терминов, связанных с могилой и памятником Келиш-бею, в данной статье следует понимать следующее: до 1890-х гг. все упоминания о могиле следует воспринимать без памятника, т.к. лишь после этой даты появляется памятник. Иногда авторы статей в газетах называют его могилой, иногда памятником, иногда надгробной плитой. Следует понимать, что речь идет о памятнике с 1890-х до 1910-х гг., – того времени, когда появились данные о нем в материалах прессы. Фиксируя слово «могила», авторы подразумевали и памятник.

² Статья была подготовлена после возвращения из командировки еще при жизни Станислава Зосимовича Лакоба, который был инициатором поисков в отделе газет РГБ в августе с.г., где и были найдены газеты, о которых он говорит в интервью. Сохранилась также переписка с ним, где изложены версии, вошедшие в данную статью.

³ В тексте встречаются имена Келиш, Келиш-бей, Келешбей – что одно и то же. Абхазский вариант имени «Киальшь».

⁴ См. фото разрушенного памятника в приложениях (№ 8).

вой войны. Вопрос о могиле Келиш-бея поднимался в советское и последующее время в абхазской прессе и научных изданиях.

На территории Сухумской крепости долгие годы ведут раскопки археологи. В последние десятилетия продолжают работы под руководством декана исторического факультета Абхазского государственного университета А.Н. Габелия. У него и его коллег есть свое видение вопроса о местонахождении могилы Келиш-бея. В частности, они нашли некоторые фрагменты, имеющие отношение к элементам памятника, который отражен на фотографии из Абгосмузея¹. Есть два мнения относительно даты фотографии: 1918 г. (А. Агумаа)² и 1919 г. (Н. Малых)³. В интернете данная фотография встречается с описанием неизвестного автора (запись выполнена печатной машиной)⁴. Автор описания пишет, что так выглядела могила в 1912 году. Видимо ему были известны подробности о времени основания или реконструкции памятника. Вопрос о датировке памятника, изображенного на указанной фотографии, а также о том, кем был установлен и в каком месте на территории Сухумской крепости пока остается открытым. С. Лакоба в своем названном интервью Абхазскому телевидению коснулся материалов прессы, в которых, по его мнению, могла быть какая-то информация о памятнике⁵. В частности, он говорил: «Я хочу сказать, что я не встречал в материалах, когда появилось надгробие... Это уникальное надгробие, о котором мы можем судить по фотографии. Она была опубликована и у Агумаа Анзора, и публиковал Николай Малых, краевед... Но нигде не встречал, когда же это произошло? А это наиболее интересно. Конечно, этот памятник Келиш-бею, он необходим, тем более что он был... Он очень тонко сделан, и похоже, что это время символизма в России. И даже по надгробью можно судить – «Видел сны князь Келиш...». Можно предположить, что это было сделано не в 90-х гг., как об этом пишут и отмечают, хотя никаких данных не встречал. Есть такое мнение

¹ <https://sputnik-abkhazia.ru/20150821/1015523600.html>;

<https://sputnik-abkhazia.ru/20150821/1015514598.html>

² А. Агумаа. Сухум. Очерки по истории и архитектуре города (кон. XIX – нач. XX вв.). Сухум, 2023. С. 335.

³ Н.И. Малых. К 190-летию со дня трагической гибели владетельного князя Абхазии Келиш-бея. (Машинопись). СФТИ. 1998. С. 13.

⁴ См. приложение № 1, фотография памятника.

⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=1XzyBQAIeYQ>

тоже, но тогда абхазы были виновным населением с 1877 (официально с 1880) по 1907 гг. и этого не могло быть. В 1907 г. была снята виновность не без участия Георгия Дмитриевича Шервашидзе-Чачба... Это такая тема, которую нужно исследовать, изучать. А для этого нужно посмотреть газетные материалы этого периода, и не может быть что там это не нашло отражение... Т.е. если мы берем период с 1907 до 1912 года, наверное, можно отыскать какие-то следы. Такой памятник установить в тот период, для этого нужно было особое разрешение...»¹. Спустя два года в результате поисков эти газеты действительно были обнаружены (в августе 2025 г).

Итак, что было выявлено о дате памятника Келиш-бею?

Краевед, работник Сухумского физико-технического института Н.И. Малых в 1998 г. в работе, посвященной 190-летию гибели Келиш-бея Чачба отдельно рассматривает памятник на могиле владетельного князя в третьей и четвертых частях. Он пишет, что Келиш-бей «похоронен многочисленными родственниками на территории Сухумской крепости. Можно не сомневаться, что на могилу князя был возложен камень с соответствующей надписью, возможно на принятом тогда официальном арабском языке». (Автор не приводит ссылок на источник, это всего лишь его предположение). Далее он пишет: «Кроме могилы князя на территории крепости были и другие захоронения»².

Н. Малых также приводит данные Фредерика Дюбуа де Монпере, который в 30-х гг. XIX столетия посетил крепость и сообщал: «Единственное, что можно увидеть во дворе крепости, это могилы прежних пашей и князей этой страны Келиш-бея и Сафар-бея...»³ Вместо ошибочно названного Сафар-бея в этой могиле (ее наличие не отрицается автором!) мог лежать кто-то другой...⁴ Скорее всего таких могил в крепости было не две, судя по сообщению де Монпере и другим источникам.

Далее Н. Малых приводит фотографию памятника, которую датирует 1919 г. (Анзор Агумаа в книге «Старый Сухум» датирует

¹ Там же.

² Н.И. Малых. Указ. соч. С. 9.

³ Там же, с. 10.

⁴ Впервые об ошибке сообщает Анзор Агумаа в газете «Эхо Абхазии» № 7, 1996 г. Н. Малых цитирует его и тоже сообщает об этом.

ее 1918 г.)¹. Рассматривая фотографию, он приходит к предположению, что «памятник либо совсем недавно реставрирован, либо воссоздан заново»². По его мнению, памятник мог быть установлен в конце первого десятилетия XX века, т.е. его открытие могло быть приурочено к двум датам 1908 г. – столетию гибели Келиш-бея и столетию рождения последнего владельца Михаила Чачба³. Эта версия, однако, оказалась ошибочной, хотя логически именно эти даты из всех существовавших (в промежутке с 1907 до 1914 гг.) подходили к открытию памятника. Однако, как выяснилось совсем недавно, временные рамки открытия памятника или времени его реставрации сузились – октябрь 1911–1913 гг.

В этот период появлялись публикации в газетах, как например «Сухумский вестник», «Сухумские вести», «Сухумский листок», «Батум», «Черноморец», «Батумская правда», «Кавказ» и др. В некоторых из них авторы поднимали вопрос о владельце Абхазии Келиш-бее, в том числе и о его могиле и памятнике. Так, в газете «Сухумский вестник» от 3 октября 1910 г. (в год 100-летия присоединения Абхазии к России) В. Метакса приводит историческую справку о событиях 1808 и 1810 гг. в Сухумской крепости и о владельце Келише, где описывает его заслуги перед абхазским обществом и называет его «прекрасным политиком» и «абхазским Александром Невским». По поводу состояния памятника в 1910 г. он сообщает, что «среди высокой травы и зарослей стоит простой, но величественный памятник»⁴. Это сообщение говорит о том, что в 1910 г. памятник никто еще не трогал и он был в зарослях.

В другой газете «Сухумские вести» от 13 октября 1911 г., т.е. спустя год, некий «К. К.»⁵ в статье под названием «Забывтая могила» с беспокойством констатирует: «...Я имею в виду заброшенную могилу царя (владельческий князь – Г. Ц.) Абхазии Келиш-бея, которая находится в Сухуме, в этом богатейшем в мире

¹ А. Агумаа. Сухум. Очерки по истории и архитектуре города (кон. XIX – нач. XX вв.). Сухум, 2023. С. 335.

² Там же, с.10.

³ Там же, с.11.

⁴ «Сухумский вестник», 3 октября 1910 г. с. 3.

⁵ Возможно, это историк и журналист К. Кудрявцев, который в некоторых публикациях подписывался инициалами «К. К.».

древнем кладбище, варварски изуродованном без всякой системы, без научной цели...» Далее автор приводит ссылку на более раннее упоминание о могиле Келешбея графини Уваровой, которая в 1887 г. занималась поисками. В своей книге «Абхазия, Аджария и Шевшетия» она писала: «Теперь в крепости полнейшее разорение: море подмыло уже не одну стену; они дрогнули, накренились и частью повалились. Внутри нее находится могила Келиш-бея, но она исчезла под бараками солдат, пороховым погребом; все грязно, пусто и уныло кругом, только далекие горы, синее море, да богатая растительность, завоевавшая часть развалин, привлекают внимание ваше в этом заброшенном уголке». Сравнивая сообщение автора с оригиналом текста графини, можно констатировать, что автор в точности процитировал текст. Далее он сообщает в газете, что «о могиле этой неразгаданной, но великой личности побеспокоиться было некому, но все ж она до сих пор видна среди зарослей шиповника и чертополоха». «Не стыдно ли это?» – задается вопросом К. К.¹ Таким образом, с точностью можно сказать, что в октябре 1911 г. могила была в заброшенном состоянии.

В 1995 г. историк Б. Сагария в газете «Эхо Абхазии» приводит очень важную цитату К. Мачавариани, где сообщается, что в 1913 г. «в конце Михайловской набережной, с западной стороны, в ограде похоронен предпоследний² владетельный князь Абхазии»³. Если в прежних сообщениях от 1910 и 1911 гг. в прессе не было упоминания об ограде (имеется в виду ограда с цепями и столбами), то в 1913 г. она уже упоминается.

В газете «Советская Абхазия» от 15 июня 1989 г. в статье «Во имя памяти народной», посвященной памятнику Келиш-бею о времени основания памятника Х.С. Бгажба писал следующее: «Во второй половине 20-х и в 30-х годах XX в. пострадали или были уничтожены многие ценные историко-культурные памятники Абхазии. В числе их оказался, к сожалению, и памятник владетельному князю Абхазии Келешбею Шервашидзе (Чачба), сооруженный на территории Сухумской крепости в 90-х годах прошлого столетия, в основном на средства, добровольно по-

¹ «Сухумские вести», № 77, 13 октября 1911 г. С. 2–3.

² Автор допускает ошибку, предпоследним владетельным князем был Дмитрий, а до него – Сафарбей.

³ «Эхо Абхазии», № 19, декабрь 1995 г. С. 3.

жертвованные населением. Между тем, как вспоминают сухумские старожилы, этот памятник из белого мрамора представлял из себя ценность и как предмет искусства»¹. Непонятно, о каком памятнике идет речь в этом сообщении, сооруженном в 90-х годах прошлого столетия (имеется в виду 19 век), если в 1910 и 1911 гг. памятник был в плохом состоянии по сообщениям В. Метаксы и К. К., опубликованных в сухумских газетах.

Непонятен также источник информации Х.С. Бгажба, т.к. в его статье нет ссылок. Возможно, что у него были какие-то важные данные, о которых мы пока не знаем. В этой связи следует обратить внимание на данные В. Метаксы, которые он приводит в своей исторической справке в 1910 г. Он, в частности, писал, что «в крепости за колодцем у тюремной стены среди высокой травы и зарослей стоит простой, но величественный памятник, на котором на мраморной плите золотыми буквами написано: «Владелец Абхазии Келиш Шервашидзе»². Эти сведения тоже представляют интерес, поскольку известно, что Н. Малых в своем исследовании приводит полный текст надписи на памятнике Келиш-бею из имеющейся пока единственной фотографии нового (или отреставрированного) памятника, сделанной в 1919 г. Эта надпись совершенно отличается от той, которую приводит В. Метакса в сухумской газете. Н. Малых пишет: «...На памятнике имеется надпись. Буквы очень плохо различимы, но при соответствующей обработке фотографии четко читается надгробная надпись: «ВИДЕЛЪ СНЫ К-ЗЪ КЕЛИШЪ...»³ (см. рис. 4 и фото № 2).

Анзор Агумаа в 1996 г. в газете «Эхо Абхазии» приводит слова надписи на надгробии могилы Келешбея. Он пишет: «Кстати, на снесенном в 1938 г. надгробии могилы Келешбея была надпись: «Спать и видеть сны...» (Слова трагедии Шекспира «Гамлет»)»⁴. Видимо на тот момент надпись плохо читалась, и А. Агумаа допустил ошибку при ее расшифровке. Затем в 2005 г. в журнале «Акуа-Сухум» А. Агумаа писал: «...В середине 80-х годов прошлого века я работал в Государственном музее. Разбирая фотоархив, обнаружил фотографию, на которой было запечат-

¹ «Советская Абхазия», 15 июня 1989 г.

² «Сухумский вестник», № 1, 3 октября 1910 г. С. 3.

³ Н.И. Малых. Указ. соч. С. 12.

⁴ «Эхо Абхазии», № 7, декабрь 1996 г. С. 4.

лено надгробье на могиле Келиш-бея. После сильного увеличения фотографии на надгробье можно было прочесть такую надпись: «Владетель Абхазии Кн. Келешь Шервашидзе». Н. Малых также при обработке фотографии обнаружил небольшие кресты, окаймляющие надпись на памятнике. Он же сообщал, что надпись выполнена золотыми буквами. Интересно, что В. Метакса и А. Агумаа почти одинаково описывают надпись на надгробье со следующей разницей: а) В. Метакса в 1910 г. – «Владетель Абхазии Келишъ Шервашидзе»; б) А. Агумаа в 2005 г. – «Владетель Абхазии Кн. Келешь Шервашидзе». Н. Малых приводит и обработанную фотографию, где четко написан текст. В любом случае, ясно, что памятник, который описывает В. Метакса, т.е. тот, который находился в зарослях, и памятник, который известен по фотографии, один и тот же. Разница в том, что после октября 1911 г. его реставрировали, добавили насаждения и ограду, и произошло это в 1912–1913 гг.

В результате исследования старых сведений и появившихся новых данных можно прийти к следующим, пока еще неокончательным, выводам:

Первое. В октябре 1910 г. памятник был простой, но величественный, среди высокой травы и зарослей, без ограды и цепей, и с надписью, сделанными золотыми буквами: «Владетель Абхазии Келиш Шервашидзе».

Второе. В октябре 1911 г. могила Келиш-бея была забытая и заброшенная.

Третье. Если взять данные Х. Бгажба, то можно предположить что памятник, который был построен в 1890-х гг. на народные средства, мог быть тем памятником, о котором писал В. Метакса в октябре 1910 г. и той забытой могилой, о которой писали в октябре 1911 г., но который не имеет отношения к памятнику на фотографии 1919 г. С 1890-х по 1910 гг. прошло почти около 20 лет; за это время он вполне мог обрасти зарослями.

Четвертое. На фотографии мы видим очищенный от зарослей и огороженный столбиками с цепями, хорошо обработанный, свежий памятник. Его также могли заново построить на том же месте (реставрировать с дополнениями ограды, надписями, высаженными елками и т.д.).

Пятое. Нам известно, что после статей в сухумских газетах

в 1910 и 1911 гг. на месте старого заброшенного памятника был сооружен совершенно новый памятник. Он мог быть построен заново или хорошо отреставрирован. Произошло это, судя по материалам газет и сведениям К. Мачавриани, примерно в 1912 году. На это указывает и аннотация под фотографией, набранной печатной машиной неизвестным автором, где написано: «так выглядела могила правителя Абхазии Келиш-бея в 1912 г.»¹

Теперь по поводу местонахождения старого и нового отреставрированного памятника. Ни в одном сообщении в источниках нет данных, что могилу или памятник до 1938 г. перемещали. По сообщению графини Уваровой (1887 г.), где она называет объект могилой, над которой были бараки солдат и пороховой погреб, получается, что в это время памятника еще не было, ни старого, ни нового. Вряд ли бараки строили над памятником, если он стоял. В 1890-х гг., как сообщает Х.С. Бгажба, памятник был построен. Вряд ли памятник построили отдельно от могилы, а поскольку мы в 1910 г. имеем сообщение из газеты, что за колодцем у тюремной стены стоит памятник, то можно говорить, что он был воздвигнут над могилой, о чем свидетельствует и надпись (имя владельца золотыми буквами), и описание местонахождения, которое совпадает с данными из фотографии, где хорошо видно, что за памятником стоит тюремная стена. В газете «Сухумский вестник» от 9 октября 1910 г. В. Метакса сообщал, что у крепости были двое ворот, восточные и западные, вода была в двух колодцах. Ранее он также сообщал, что памятник находился за колодцем у тюремной стены. Из этого можно предположить, что он (Метакса – Г. Ц.), зайдя в крепость через восточную часть, оказался у колодца, за которым был памятник, а за ним стена, памятник был ближе к стене. Это видно и на фотографии, памятник находится на близком расстоянии от стены, что видно и сейчас, если стоять у восточных ворот, перед которыми видны колодец и тюремная стена. Возле нее и находился памятник. Получается, что речь идет об одной точке, включающей в себя и могилу, и памятник, и в 1910, и в 1912 гг., и позднее, когда делали фотографию 1918–1919 гг.

В 1839 г. в газете «Одесский вестник» сообщалось, что «посреди крепости стоит деревянная церковь, а за нею возвышает-

¹ См. фотографию с надписью.

ся дерево, которое было посажено отцом Гассан-бея для своего сына Батал-бея.... Вправо от церкви сохранилась могила отца Гассан-бея, сложенная из простых камней. Как дерево, так и могилу указывал мне сам Гассан-бей. Надобно было читать его чувства в то время, когда он смотрел на эту могилу и на это дерево, между которыми возвышается русский храм...»¹. Следует обратить внимание, что автор, стоя лицом к церкви описывает местонахождение могилы: «вправо от церкви сохранилась могила отца Гассанбея...»². На одной из карт Сухумской крепости (см. № 9) хорошо видно, где находится эта церковь - в середине крепости. Следует учитывать, что после этого центр крепости изменился (если исходить от южного современного забора) т.к. южная стена находится в развалинах, а за ней в 50-х появилась дорога, что почти на треть сузило границы крепости. Соответственно, если могила была справа от церкви в 1838 г., т.е. со стороны моря, то последующие события с южной стеной, ее разрушением, возведением дороги, постройка памятника комсомольцам и др., а также последующие описания свидетельствуют, что могила приблизилась к современной южной границе Сухумской крепости. (Надо сравнить старые и новые схемы).

Н. Малых придерживался собственной версии, ссылаясь на план крепости Сухум-кале топографа 2-го класса Горшкова от 1928 г. хранящегося в Центральном Государственном военно-историческом архиве России в фонде ВУА³, что могила Келиша направлена в сторону моря перпендикулярно, и отметил схематично направление съемки памятника фотографом, а также начертил пунктиром колючую изгородь за могилой, которая оказалась, по его мнению, параллельно набережной. (Схема № 3)⁴. Работа Н. Малых вошла в учебник по истории Абхазии (курс лекции), вышедшей в 2021 г.⁵. Однако его версия ошибочна, т.к.

¹ И. И. Согум-кале (из путевых заметок). Одесский вестник, № 33. 1839. См. по книге Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. Абхазия и абхазы в российской периодике. Кн. I. Сухум, 2005. С. 41.

² Одесский вестник, № 33, 1839.

³ А. Агумаа. Могила Келишбея Чачба – памятник нашей истории. // Эхо Абхазии, № 7, февраль 1996 г. С. 4.

⁴ В схемах используется уже готовая карта-план Сухумской крепости, выполненная сотрудниками Госуправления по охране историко-культурного наследия С. Агрба, Л. Чхинджерия.

⁵ История Абхазии. Курс лекций. Сухум, 2021. С. 188.

могила Келиш-бея была направлена в западную сторону. Об этом свидетельствуют другие материалы и фотография. Так как Келиш-бей был мусульманин, то похоронен головой в западную сторону. Это соответствует и абхазским обычаям захоронения (мраташзарака – головой в сторону заката солнца, на запад). Это хорошо можно рассмотреть и на фотографии, при приближении которой также видны тюремная стена с колючей изгородью со столбами, за которыми северные ворота и крыша постройки возле основной стены. Сейчас на этом месте – оставшиеся следы стыков двух стен, одна из них уже отсутствует частично. Видны также следы постройки, которая находилась у точки стыка, изображенной на фотографии, которая делалась по диагонали под углом на северо-запад (Схема № 4). По данным из газет (описание В. Метаксы), памятник Келиш-бею, отображенный на фото, находился примерно в следующем месте (Схема № 5). А. Агумаа писал, что нынешний обелиск комсомольцам на набережной (сама могила комсомольцам была в углу стены, которой уже нет в юго-восточной стороне, см. фото) «отстоит от самой могилы Келиш-бея приблизительно на 25–30 метров к юго-западу. Могила же Келишбея расположена метрах в 6–8 к югу от входа в детские ясли» (Схема № 5). Эти версии совпадают. Используя Яндекс-карту с измерением длины легко можно определить приблизительное местоположение могилы Келишбея Чачба, ссылаясь на вышеприведенные источники.

В последнее время абхазские археологи нашли некоторые детали, которые по их предположению, принадлежат могиле Келиш-бея. Однако, очевидно, лишь дальнейшие раскопки могут дать исчерпывающий ответ на этот вопрос.

Ранее было известно, что могилу Келиш-бея, ту, которая изображена на фотографии, разрушили во второй половине 1930-х гг. (1938). Есть несколько фотографий разрушенного памятника. Подробные сведения об этом процессе приводятся в статье А. Мелихова под названием «Как в Сухуми охраняются древности и памятники», опубликованной в газете «Советская Абхазия» в октябре 1939 г. В ней он, в частности, сообщал: «...Весь живописный район крепости, расположенной в центре города, на берегу моря, находится в крайне неприглядном виде. Во дворе бывшей тюрьмы строительством гостиницы “Абхазия” возведены на скорую руку барачного типа постройки для рабочих, во

дворе произведена разбивка огородов, здесь же вешается белье, производится стирка и т.д. Вообще весь район крепости загрязнен, завален мусорными кучами, никем не очищается и через него проходит грязная канава». Далее он пишет: «Абхазский областной комитет партии еще в октябре 1938 года, в специальном постановлении о памятниках революционного значения, возложил охрану помещения бывшей тюрьмы на Сухумский горсовет и предложил ему наметить мероприятия по благоустройству района крепости...»¹ Однако это постановление не было выполнено. Автор писал, что «непонятно безответственное отношение работников горсовета к памятникам древности и революции еще и потому, что на необходимость охраны этих памятников указывалось уже после постановления обкома в специальных постановлениях Совнаркома Абхазской АССР. В апреле 1939 г. Совнарком Абхазской АССР принял постановление «О состоянии охраны памятников культуры по Абхазской АССР», в котором особым пунктом предлагал горсовету принять меры по охране сухумской крепости...»² Без чьего-либо ведома в крепости частные лица начали производить земляные работы. Одним из них был некий Размадзе А.И., сотрудник артели по отправке грузов «Проводник», который приобрел в районе крепости в 1939 г. в собственность домик. «Он начал с того, что на могиле и вокруг могилы героев-комсомольцев, убитых в 1924 г. во время меньшевистской авантюры, стал разводить огород: насадил помидоры и кукурузу. Но этого мало, в последнее время он решил расширить свой участок в сторону берега моря и с этой целью произвел большие земляные работы: разрыл часть берега, а другую часть засыпал. Во время этой работы «охранитель» старины обнаружил два оригинального устройства древних, обложенных большими кирпичами плитами, могильника. Нисколько не смущаясь необычайностью могил, этот гражданин разрушил склепы, кирпичные плиты решил использовать для хозяйства, а кости здесь же разбросал по земле. Все это происходит на глазах Сухумского горсовета, при полном равнодушии благодушных дядей из коммунального отдела. При их попустительстве разрушается и могила владельца Абхазии Келеш-бея, убитого в 1808 году агентами турецкого султана...»³

¹ А. Мелихов. «Советская Абхазия», № 239, 17 октября 1939 г. С. 3.

² Там же, с. 3.

³ Там же.

Таким образом, становится ясным, что разрушение могилы Келишбея началось в 1939 г. и продолжалось в 50–60-е гг. Но были и те, кто пытался восстановить историческую справедливость. Так, например, 9 декабря 1954 г. вопрос о могиле Келиш-бея был поднят в постановлении Совета Министров Абхазии «О состоянии и мерах улучшения охраны исторических, архитектурных памятников искусства», где констатировалось и предписывалось следующее: «...Не имеется соответствующей аннотации и находится в запущенном состоянии братская могила комсомольцев, погибших от рук меньшевистской вылазки и могила владельца Абхазии Келиш-бея Шервашидзе-Чачба, убитого 2 мая 1808 г. турецкими агентами за свою ориентацию на Россию и другие.

С целью улучшения защиты и охраны исторических, археологических и памятников искусства, Совет Министров Абхазской АССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

...2. Установить мемориальную доску на могиле Келиш-бея Шервашидзе-Чачба, а также произвести необходимые работы с целью ее благоустройства.

...4. Предложить Абхазскому институту языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР (тов. Бгажба) в декадный срок составить соответствующие аннотации на Сухумскую крепость, на Лыхненскую площадь, для братской могилы комсомольцев и могилы Келеш-бея Шервашидзе-Чачба и другие исторические памятники.

...6. Обязать Исполком Сухумского горсовета депутатов трудящихся (тов. Кемулария) в месячный срок очистить от мусора и благоустроить площадь, где находится братская могила комсомольцев и могила Келиш-бея Шервашидзе-Чачба...»¹.

Однако это постановление не было выполнено вплоть до 1958 г., когда вышло второе Постановление Совета Министров Абхазии «О состоянии и мерах улучшения охраны исторических памятников и памятников архитектуры Абхазской АССР от 14 марта 1958 г. В нем констатировалось: «...Сухумский городской Совет депутатов трудящихся не исполняет постановление Совета Министров Абхазской АССР от 9 декабря 1954 г. № 683 о благоустройстве района Сухумской крепости и реставрации могил Келеш-бея Чачба (Шервашидзе)». А в постановительной части

¹ А.Т. Отырба. По лезвию кинжала... / Сост. Авидзба А.Ф. Сухум, 2017. С. 371–373.

документа говорилось: «...6. Обеспечить Исполком Сухумского горсовета депутатов трудящихся (т. Амичба Е.) до конца апреля месяца 1958 г. произвести реставрацию могилы Келеш-бея Чачба (Шервашидзе)...»¹

Однако, спустя год, в 1959 г., решением бюро ЦК КП Грузии, Совет Министров Абхазской АССР отменил предыдущие пункты № 6 обеих постановлении 1954 и 1958 гг. как неправильные. Все это исходило от грузинских властей и параллельно шедшей антиабхазской риторикой и антинаучной пропаганды грузинских ученых. К примеру, Н. Бердзенишвили в статье «Маленькое замечание по большому вопросу» в 1966 г. писал: «Всякое стремление к самостоятельности со стороны деятелей абхазской истории следует квалифицировать как явление реакционное и предательство по отношению к Грузии... Келеш-бей и ему подобные – это отрицание тысячелетней истории Абхазии, отрицание тысячелетнего культурно-исторического сотрудничества с братьями, отторжение от грузин, предательство Грузии. И как может сегодняшний советский абхазский гражданин отречься от собственного прошлого, от собственной славной истории и признать героем того, кто отрицал эту историю»².

Вот еще один негативный пример отношения к истории Абхазии грузинских властей в лице первого секретаря ЦК КП Грузии В.П. Мжаванадзе. В частности, применимо к памятнику и личности Келиш-бея он заявлял в 1967 г.: «...Обком партии не ведет должной борьбы с отдельными националистическими проявлениями..., в некоторых случаях примиренчески относятся к фактам идеализации исторического прошлого Абхазии. Только в результате не критического отношения к прошлому могло возникнуть решение о строительстве в городе Сухуми памятника реакционному владельцу Абхазии Келиш-бею, которого, вопреки исторической правде, неправильно представляют прогрессивным деятелем и национальным героем»³.

В 1988 г. в газете «Советская Абхазия» о памятнике Келиш-бею писали Г. Гулиа в статье под названием «По праву памяти»

¹ Там же, с. 389–391.

² Папаскири З.В. Абхазия. История без фальсификации. Тб. 2010. С. 285, 286. // Цит. по А. Отырба... / Сост. А. Авидзба. Сухум, 2017, с. 390.

³ Лежава Г.П. Между Грузией и Россией...М. 1997. С. 171.; Цит. по А. Отырба / Сост. А.Авидзба. Сухум, 2017, с. 390.

и Н. Троицкая в статье «Не дать прорасти траве забвения». Н. Троицкая описывает историю, связанную с памятником комсомольцев (за которым и был памятник Келиш-бею – Г. Ц.) и место могилы Келиш-бея следующим образом: «...Что же касается памятника комсомольцам на Сухумской набережной, то в Абхазии давно уже бытует мнение, что он стоит на месте могилы владетельного князя Келешбея Чачба (Шервашидзе). Так, В. Пачулиа утверждал, что памятник был поставлен этому прогрессивному деятелю XVIII–XIX веков, подготовившему почву для присоединения Абхазии к России (1810 – Г. Ц.), но затем некий комсомольский работник добился, чтобы на нем выбили нынешнюю надпись. В Абхазском госмузее сохранилась фотография могилы Келешбея с богатым надгробием, которое позднее было разбито и расхищено. Дело историков восстановить истину. Если подтвердится эта версия, то ясно, что памятник комсомольцам на могиле князя выглядит кощунственно по отношению к памяти как одних, так и другого...»¹

Существует интересная фотография могилы комсомольцев (см. фото № 6), где хорошо видно, что могила находилась в юго-восточном углу крепости возле моря, где сейчас, по-видимому, дорога и набережная. На эти материалы в 1989 и 1990 гг. ссылался Х.С. Бгажба в своих статьях в газете «Советская Абхазия»². Таким образом, ясно, что нынешний памятник комсомольцам стоит к юго-востоку от предполагаемого места могилы (памятника) Келишбею, как об этом писал А. Агумаа и говорил в интервью С. Лакоба, а статья В. Метаксы 1910 г. подтверждает эту версию. Это хорошо видно и на фотографии, и с восточных ворот крепости.

Памятник Келишбею восстанавливался в период нахождения в должности Сухумского городского головы Александра Григорьевича Чачба (Шервашидзе) (1854–1933). Он был в 1905, 1911 гг. председателем Сухумской городской Думы, а в 1911–1915, 1917 гг. головой города, а в 1912 г. встречал российского императора Николая II во время посещения Гагринской климатической станции. Н. Малых упоминает его имя в своей работе, но не упоминает одного главного представителя княжеской фамилии – князя Георгия Дмитриевича Шервашидзе (1847–1918). Князь Георгий Шервашидзе был внуком Гасанбея

¹ Советская Абхазия, № 158, 17 августа 1988. С. 3.

² Советская Абхазия, № 12, 24 января 1990 г. С. 3.

и правнуком Келишбея. В 1899 г. он был переведен в Петербург императрицей Марией Федоровной, с кем близко дружил. Имел чин обер-гофмейстера Императорского Двора, а в 1905–1913 гг. заведовал ее канцелярией¹. В путеводителе по городу Сухуму и Сухумскому округу К. Мачавариани, изданном в 1913 г., думается, не просто так на следующей странице после упоминания князя Георгия Дмитриевича (стр. 77) вдруг появляется сообщение о похороненном в ограде Келишбее. Георгий Дмитриевич был прямым родственником владетельного князя Абхазии Келишбея, его правнуком и внуком Гассанбея.

Реставрация памятника Келишу связана также и с приближавшейся датой 300-летия дома Романовых, на что свидетельствуют материалы прессы, где говорилось и о благоустройстве города Сухума (1912–1913).

В 1937 г. в Сухуме был уничтожен Сухумский кафедральный собор Александра Невского, а в 1939 г. начал уничтожаться памятник абхазскому Александру Невскому (так называли владетельного князя Абхазии Келиша). Борьба с памятником продолжалась до 1970-х гг. В 1960-1970-х гг. уничтожалась и могила супруги Келиша Рабии Ханум Маршан², матери Гасан-бея, которая была похоронена в селе Кутол на общем кладбище Чачаа рашта. Сейчас там находится могила Михаила Левановича Чачба (1872–1919)³, первого абхазского картографа, которую также обнаружили в этом году в зарослях (см. фото № 7).

Важно отметить, что данное исследование появилось благодаря инициативе Станислава Лакоба, который стал вдохновителем моей поездки в Российскую Государственную библиотеку, где хранятся вышеназванные источники. Отрадно, что в поисках материалов о Келише поддержку оказал Вице-Президент Республики Абхазия Беслан Владимирович Бигвава, по его поручению командировка в Москву состоялась⁴.

¹ С. Лакоба. Абхазский князь на российском престоле?// http://apsnyteka.org/1554-lakoba_s_abkhazsky_knjaz_na_rossyskom_prestole.html

² Старожилы села Кутол помнят, что вокруг склепа могилы М.Л. Шервашидзе были множества старых могил, обложенных камнями, среди которых и была могила третьей супруги Келиша. В 1960-х гг. поле было вспахано и местонахождения могил стало неизвестно.

³ См. А.Э. Куправа. Люди и время. Сухум, 2010. С. 39–42.

⁴Профинансировал командировку Лаша Сакания.

Князь Келиш-бей Чачба (Шервашидзе) – первый владелец Абхазии, при котором было положено начало абхазо-российским межгосударственным отношениям. После снятия винности, в 1912 г. памятник ему был отреставрирован, на котором была высечена надпись на мраморной плите: «Видел сны к-зъ Келишъ». Эта метафора, видимо, символизировала давнюю мечту абхазского народа о свободе и независимости, которые она завоевала в результате тяжелой 100-летней борьбы с Грузией.

По итогам Отечественной войны 1992–1993 гг. Абхазия стала свободной и мечты владельца Абхазии Келиш-бея о независимости страны сбылись.

К сожалению, вопрос сооружения памятника владельцу князю Абхазии пока остается открытым. Этот и другие вопросы поднимались в последнее время Станиславом Лакоба, считавшим, что у Сухумской крепости на набережной у главного входа необходимо поставить памятник князю Келиш-бею во имя прошлого, настоящего и будущего нашего многострадального народа.

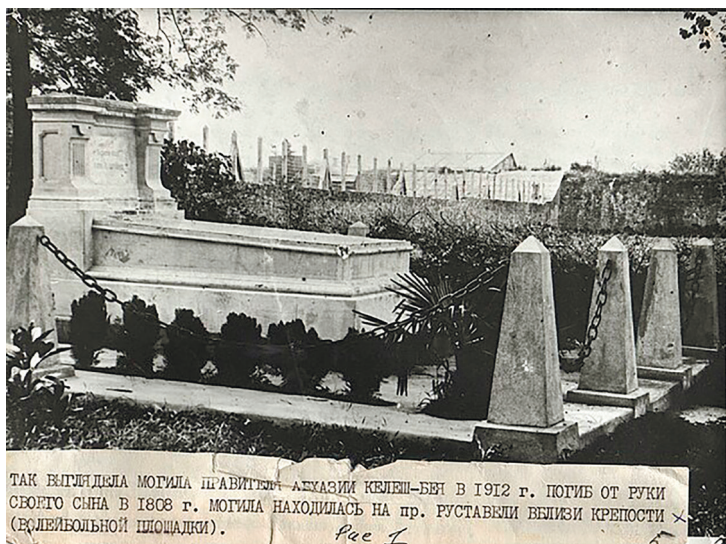

Фото 1. Фотография могилы (памятника) Келишбея с аннотацией

Рис. 4

Фото 2. Обработанное фото надписи

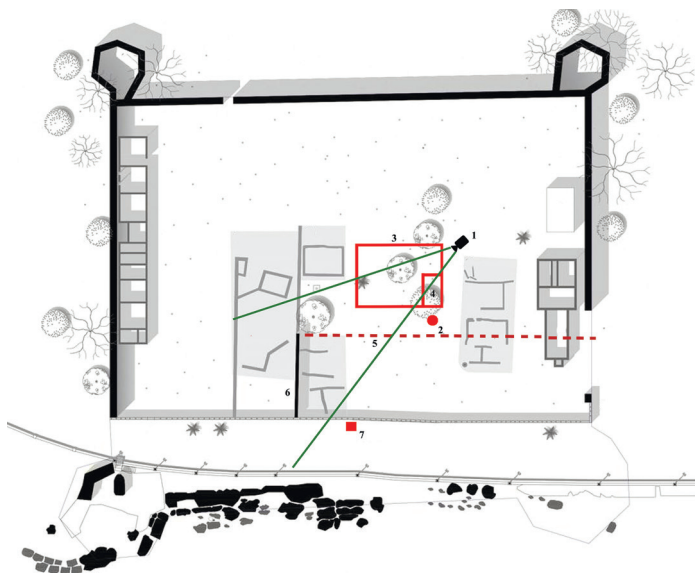

Схема 3. Расположение могилы (памятника) Келишбея по версии Н. Малых

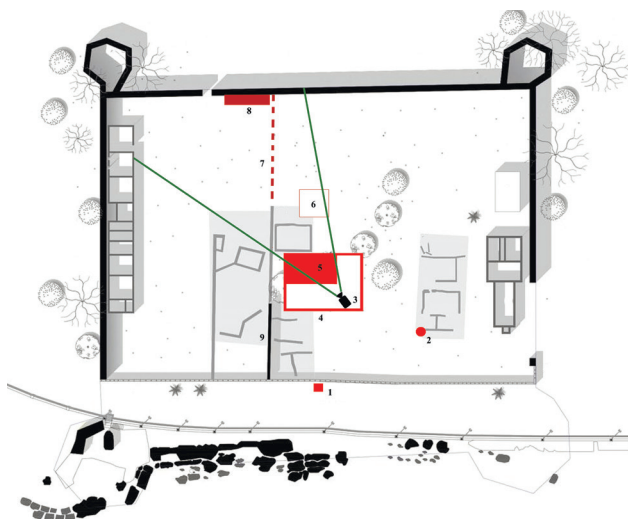

Схема 4. Расположение могилы (памятника) по новым данным и фотографии

Схема 5. Расположение могилы (памятника) по старым и новым данным

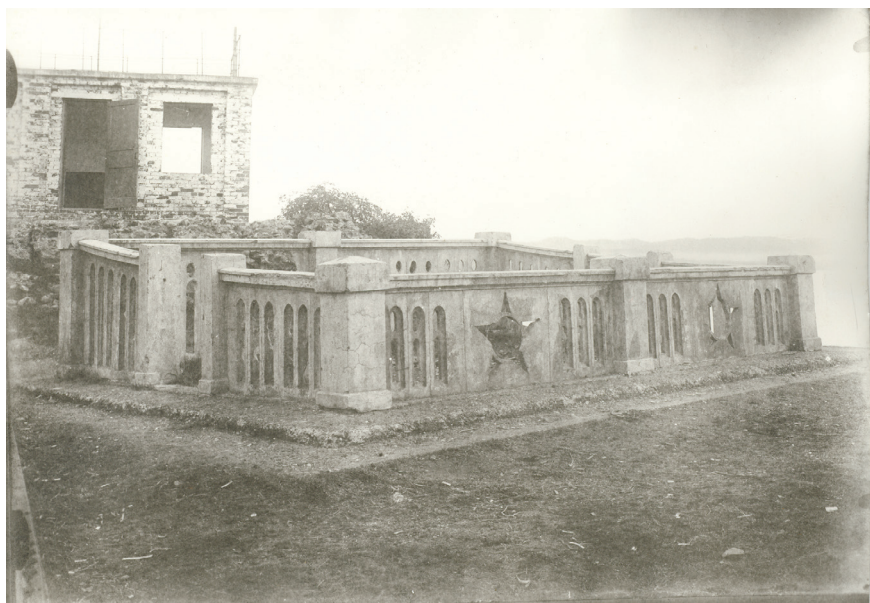

Фото 6. Могила комсомольцев, погибших в 1924 г. Находилась не там, где сейчас памятник, а юго-восточнее, в угловом секторе крепости

Фото 7. Могила-склеп первого абхазского картографа М.Л. Шервашидзе-Чачба на фамильном кладбище Чачаа рашта. Там была похоронена Рабия Ханум Маршан, супруга Келишбея

Фото 8. Разрушенная могила Келишбея

9. План Сухумской крепости

Отто Лакоба

ИЗ ИСТОРИИ ПИЦУНДСКОГО МАЯКА

Однажды, много лет назад, на холодный сумрачный берег пришел человек, остановился, внимая гулу океана, и сказал: Нам нужен голос, который кричал бы над морем и предупреждал суда; я сделаю такой голос. Я сделаю голос, подобный всем векам и туманам, которые когда-либо были; он будет как пустая постель с тобой рядом ночь напролет, как безлюдный дом, когда отворишь дверь, как голые осенние деревья. Голос, подобный птицам, что улетают, крича, на юг, подобный ноябрьскому ветру и прибою у мрачных, угрюмых берегов. Я сделаю голос такой одинокий, что его нельзя не услышать, и всякий, кто его услышит, будет рыдать в душе, и очаги покажутся еще жарче, и люди в далеких городах скажут: «Хорошо, что мы дома». Я сотворю голос и механизм, и нарекут его Ревуном, и всякий, кто его услышит, постигнет тоску вечности и краткость жизни.

Рэй Брэдбери. Ревун

Мыс Пицунда и маяк Пицундский на $40^{\circ}21'$ в расстоянии $1/2$ мили.

Есть такие места, которые являются не столько точками на карте, сколько порталами во времени. Пицундский маяк именно такое место. Он стоит на самой оконечности Пицундского мыса не как инженерное сооружение, а как немой страж, повидавший курортные толпы и романы, гулкие моторы катеров и рев диско-бара. Его свет погас более полувека назад, а сосновый бор

вновь возвысился над его 100-футовой раскосой башней. Теперь он сам стал тем одиноким голосом посреди бетонных корпусов, который уже нельзя услышать. Но так было не всегда. В последней трети XIX века военная машина России отнюдь не романтизировала маяк как символ прогресса, это была необходимость.

Великий князь Михаил Николаевич, Наместник кавказский, в письме от 11 января 1874 года просит Великого князя Константина Николаевича, обеспечить Кавказский берег Черного моря маячным освещением, отсутствие которого является главным препятствием к правильному развитию судоходства вдоль этого берега и останавливает успешность его заселения, лишает возможности удовлетворять потребности водворенных уже там поселений и войск. В ответном письме от 1 февраля 1874 года Великий князь выражает убеждение в необходимости поставить освещение Кавказского берега на первую очередь¹. Однако, еще в мае 1872 года был утвержден двенадцатилетний «План постепенного производства работ по постройке маяков начиная с 1875 года», в третьей группе (очереди) которого на 1877 год значились Пицундский и Днестровско-Цареградский маяки².

В Архиве РГАВМФ хранятся материалы о постройке Пицундского маяка, самые ранние из которых датируются 1875 годом³. Первые изыскания о постройке и проектировании Пицундского маяка пришлось на период с 1875 по 1878 гг., однако строительство было отложено из-за вспыхнувшей русско-турецкой войны.

Восстание в мае 1877 года и выступление абхазов на стороне Турции еще более усложнило положение России, а к июню побережье Абхазии от Очамчиры до Адлера заняли турецкие войска. В начале августа полковник Шелковников с боем прошел через Гагрские теснины и Пицунду при содействии артиллерийского огня с парохода «Константин», а генерал Алхазов занял Сухум 20 августа 1877 г. Семитысячный город, сожженный турецким десантом, оказался безлюдным⁴. Серьезно пострадал и единственный на побережье Абхазии Сухумский маяк, который был вве-

¹ Краткие сведения о маячном строительстве в России (<http://mayaki.webwork24.ru/obshhie-svedeniya/>).

² Там же.

³ РГАВМФ. Фонд 243. Опись 1–3. Ед. хр. 7843.

⁴ О.Х. Бгажба, С.З. Лакоба. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. 10–11 кл. – Сухум, 2015.

ден в строй в 1864 году. В июне 1879 года начались работы по его восстановлению, а средства были изъяты из суммы, предназначенной на строительство Пицундского маяка¹. Взамен утраченного, во Франции был изготовлен новый вращающийся аппарат 2-го разряда у заводчиков «Henry Lepote» – старейшего производителя маячного оборудования Франции. Другие две известные фирмы – «Sautter Harle» и «Barbier & Fenestre» также поставляли свое оборудование в Россию. Надо отметить, что первоначально заказ на изготовление железной башни и осветительного аппарата 1-го разряда для Пицундского маяка планировалось сделать на заводе «Barbier & Fenestre»². Переписка об этом шла в течение 1875–1877 гг. и вошедшие в предварительные траты заводчики, пытаясь всячески добиться форменного согласия на заказ, даже предлагали представить аппарат упомянутого маяка на Всемирной выставке в Париже как собственность Русского императорского правительства. Контракт так и не был подписан из-за финансовых обстоятельств.

8 февраля 1890 года Главный Командир Флота и Портов Черного и Каспийского морей направляет в Главное Гидрографическое Управление уведомление о том, что все работы по постройке Пицундского маяка с его зданиями, службами и железной башней должны быть совершенно окончены к 15-му октября 1890 года³. Производство работ было поручено строителю маяков, инженер-капитану Константину Ивановичу Леопольду, который в том же году будет назначен главным строителем Сочинского маяка.

Дирекция маяков сообщала, что аппарат маяка будет 3-го разряда, железная башня высотой до фонаря 50 футов, в жилом доме должны помещаться: смотритель, три служителя, два телеграфиста и комната для телеграфа, а в отдельном здании для петролеума (керосина) должен помещаться его годовой запас.

Изначально, маяк и службы при нем планировалось изготовить бетонными из экономии средств, но Управляющим Морским Министерством была положена резолюция: «...четыре тысячи экономии от постройки маяка из бетона взамен железа

¹ Н. Милованова. Свет старого доброго маяка // Абхазский берег, 2021, № 3.

² РГАВМФ. Фонд 443. Опись 1. Ед. хр. 648.

³ РГАВМФ. Фонд 404. Опись 3. Ед. хр. 97.

нахожу слишком ничтожною чтобы решиться на новый способ постройки еще неиспытанный». Так, стоимость жилого дома, служб, погреба для петролеума (керосина), галереи, соединяющий жилой дом с маяком, отходного места, колодца, ограды и мощения была исчислена в 49,880 руб, а железного маяка на сумму в 12,914 руб¹. По утвержденному шестилетнему плану 1885 года, сумма ежегодных ассигнований на сооружения новых маяков и переосвещение старых исчислялась в 250 тыс. рублей.

С 1 октября 1890 года для заведывания Пицундским маяком вводится штатная должность Смотрителя маяка, с присвоением годового оклада в 600 руб. (в том числе 200 руб. жалованья, 250 руб. столовых и 150 руб. квартирных) и с отнесением его к 12 классу по чинопроизводству и 7 разряду по пенсии. Также в сметы 1891 г. и последующих годов вносятся суммы на наем 3х служителей для того же маяка, считая по 300 руб. каждому подобно содержанию служителей Кавказских маяков – Дообского, Кадошского, Сухумского, Потийского и Батумского².

На момент учреждения должности маяк еще не имел осветительного аппарата. 4 февраля 1891 года Морское Министерство отправляет запрос в компанию «Sautter Harle» на оснащение аппаратами Сочинского и Пицундского маяков, на что получает коммерческое предложение с описанием двух возможных технических решений для Пицундского маяка. Первое решение, соответствующее устройству с чередующимися красными и белыми вспышками; второе – устройству с группами белых вспышек. В письме также указывается, что первое решение дало хорошие результаты для маяка Триагос (Франция) и в колониях. Морское Министерство остановилось на первом варианте, катадиоптрический аппарат 3-го порядка с фиксированным огнем был доставлен в Николаев в июле 1891 года, а в 1892 году пароходы РОПИТа уже видели свет этого маяка³.

Любопытно, что не лишенные изысков французы присовокупляют к письму следующую деталь: «В комплекте принад-

¹ РГАВМФ. Фонд 404. Опись 3. Ед. хр. 97. Журнал Морского Строительного Комитета, 31 октября 1889 года, № 104.

² РГАВМФ. Фонд 404. Опись 3. Ед. хр. 97. В Главное Гидрографическое Управление, 8 февраля 1890 года, № 238.

³ РГАВМФ. Фонд 404. Опись 2. Ед. хр. 497. О вырубке леса у Пицундского маяка для расширения радиуса видимостей маяка.

лежностей и сервисного оборудования мы добавили несколько небольших щеток и некоторые инструменты, которые обычно предоставляются; среди разнообразных предметов можно отметить лестницу и табуретку-стремянку, украшенные бронзой, а также дубовый ящик для хранения фитилей, польза которых при ежедневном использовании была доказана. Чугунная служебная лестница, расположенная внутри башни, по-прежнему является частью нашего предложения...»

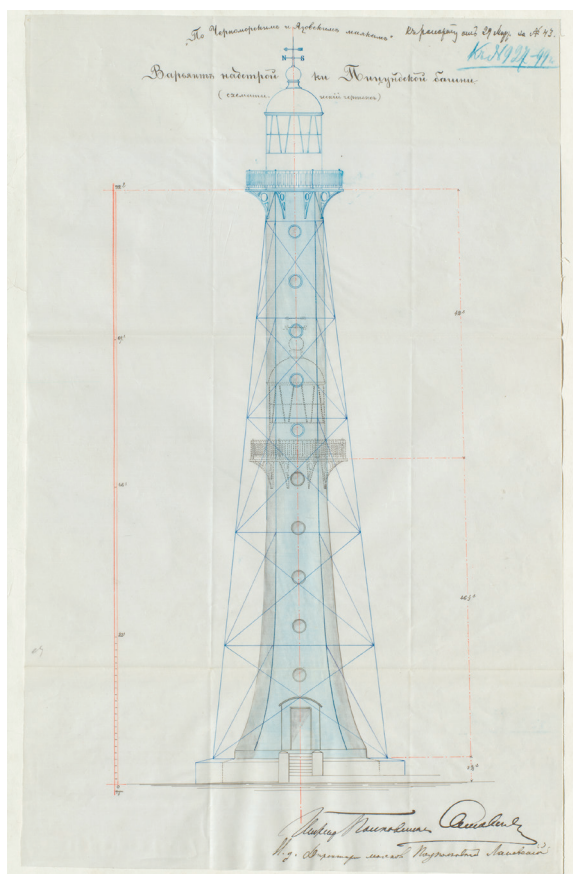
Через десять лет железную башню маяка будут вынуждены надстроить на 42 фута из-за реликтовой рощи, которая закрывала его огонь с северо-востока: «...произвести вырубку ее не представляется возможным ввиду особенного ходатайства Министерства Земледелия и Государственных Имуществ сохранить эту рощу, как редкую по красоте и особенностям пород деревьев...».¹ Министр Алексей Ермолов побывал на мысе Пицунда осенью 1895 года. Он отмечает: «...Даже местные жители – абхазцы всегда считали эту рощу священной ... относясь в высшей степени заботливо к ее поддержанию...» (см. полный текст письма в Приложении).²

В конце 1900 года работы по надстройке башни Пицундского маяка и укрепление ее подкосными фермами были отданы на коммерческом праве инженеру-строителю маяков Александру Константиновичу Евсигнееву за заявленную им цену 13036 руб.

Справочник «Лоция Черного и Азовского морей» за 1903 год сообщает следующие данные о Пицундском маяке: Башня маяка круглая, железная, раскосной системы с центральной трубой, белая, связана с жилым одноэтажным домом посредством стеклянной галереи. Маячный аппарат преломляющий 3-го разряда. Огонь маяка постоянный белый с проблесками красными и белыми попеременно; высота огня 114 футов над уровнем моря; математический горизонт 12,3 мили. Освещается весь морской горизонт от SO 66 через S и W до NW 55. Маячный дом и службы построены из бетона. Маяк соединен телефоном с почтово-телеграфной конторой в Гудауте.

¹ РГАВМФ. Фонд 404. Опись 3. Ед. хр. 596, Доклад по Главному Гидрографическому Управлению, 1 декабря 1900 года, № 4299.

² РГАВМФ. Фонд 404. Опись 2. Ед. хр. 497. О вырубке леса у Пицундского маяка для расширения радиуса видимостей маяка.

Вариант надстройки пицундской башни, РГАВМФ.
 Фонд 404, Опись 3, Ед. хр. 596

Начавшееся в 1959 году масштабное строительство «Курорта Пицунда» завершилось спустя восемь лет, а старенький маяк затерялся между выросшими корпусами 15-этажного пансионата. На крыше одного из корпусов расположился новый маяк с треугольной динамичной формой, вписывающийся в модернистское архитектурное решение комплекса. Руководитель авторского коллектива курорта М.В. Посохин в своей книге «Город для человека» указывает на диалог времен в архитектуре, где два корпуса становятся «фоном» для истории, которую представляет

старинный маяк¹. Пройдет еще 50 лет и уже советские постройки станут тем самым фоном для новой жизни.

Однажды, ноябрьским вечером я приехал на берег, остановил машину и вгляделся в черную зыбь горизонта. Я сидел и слушал море. Я не видел ни башни маяка, ни луча над Пицундой. Внезапный скрип железа налетел и разбился о камни. Казалось, что ревет чудовище. Мне хотелось сказать что-нибудь, но что?

Министр Земледелия и Государственных Имуществ
В Главное Гидрографическое управление
2 марта 1895 г. № 26

Милостивый Государь Николай Матвеевич,

Во время приезда моего осенью минувшего 1895 года по Черноморскому побережью Кавказа, я имел случай остановиться на мысе Пицунда, Сухумского округа, где мною осмотрена находящаяся близ Пицундского монастыря, у самого берега моря, великолепная роща приморской сосны в 400 дес. На мысу Пицунда стоит маяк Морского ведомства, который благодаря тому, что он низок и вообще поставлен не совсем удачно, закрывается указанною выше рощею со стороны севера, и я слышал на месте, что обстоятельство это побудило Морское ведомство поднять вопрос о вырубке той части рощи, которая в настоящее время препятствует маяку в достижении его назначения. Роща эта, между прочим, служит одним из лучших украшений всей прилегающей к Пицундскому монастырю местности, куда стекаются богомольцы, и в ней попадают экземпляры таких деревьев, которые не встречаются нигде на всем побережье. Даже местные жители – абхазцы всегда считали эту рощу священной и в ней не только никогда не бывало порубок, но, напротив того, сами жители и монахи монастыря, относясь в высшей степени заботливо к ее поддержанию, постоянно расчищают ее, убирая сухостой и валежник, проводят в ней дороги и уже теперь обрести почти в прекрасный парк именно ту ее часть, которая

¹ Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория: Книга 2. – Москва; С.-Петербург, 2023.

стоит у берега моря. Уничтожение поэтому прилегающей к берегу моря части этой рощи, которая несомненно является лучшей по красоте и качеству насаждений и в глазах окрестных жителей имеет особенную ценность, было бы крайне прискорбно и едва ли могло бы быть оправдано неудачным расположением маяка. Я считаю долгом о слышанном мною по этому поводу довести до сведения Вашего Превосходительства, с покорнейшей просьбою не отказать уведомить меня, в какой мере слух о намерении вверенного Вам ведомства может быть признан верным, а равно сообщить мне, не представится ли возможность, если действительно благодаря настоящему своему положению маяк не вполне достигает цели, принять с целью исправления этого обстоятельства какие-нибудь иные меры, кроме, однако, вырубки близ лежащей рощи.

Одновременно с сим считаю долгом препроводить для сведения Вашего Высокопревосходительства составленную мною записку о положении Черноморского побережья Кавказа, которую Государю Императору благоугодно было прочесть и на которой Его Величеством сделаны во многих местах собственно-ручные отметки.

Примите, Милостивый Государь, уверение в моем глубоком уважении и искренней преданности.

Алексей Сергеевич Ермолов

ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ ИЗ ИСТОРИИ ДУРИПШСКОГО СХОДА

Дурипшский сход – сход крестьян; проходил с 18 по 26 февраля 1931 г. в Гудаутском районе (18–22 февраля – в Дурипше, 23–25 февраля – в Ачандаре, 26 февраля – снова в Дурипше). Получил название от первоначального места схода. Объявил себя распущенном после двухдневного совещания его представителей с Председателем ЦИК Абхазии Н. Лакоба 27–28 февраля. Мероприятия по аресту и изъятию организаторов начались уже в ходе самого схода и продолжались после его завершения. Сход был назван антисоветским. В Абхазию были введены войсковые подразделения. Некоторые руководители Дурипшского схода перешли на нелегальное положение, но массовых репрессий против его участников тогда удалось избежать, а многие арестованные были вскоре освобождены. Однако после гибели Н. Лакоба, в период последовавшего «Большого террора», большинство организаторов и участников Дурипшского схода было репрессировано.

Л. Берия в секретной записке И. Сталину от 20 июля 1937 г. писал, что «события, имевшие место в Грузии в 1931 году, являются результатом не ошибок тогдашнего руководства, а результатом к.-р. деятельности»¹. С тех пор «участие в Гудаутских событиях», т.е. в Дурипшском сходе фигурировало во многих обвинительных актах «врагов народа», а в речи государственного обвинителя М. Делба по делу т.н. контрреволюционной, вредительской, шпионской организации в Абхазии («процесс 13-ти») говорилось: «Взбесившейся пес Н. Лакоба, вместе со своей бандой, которая сейчас занимает место на скамье подсудимых, организовал в 1931 году в Гудаутском районе кулацкое восстание против советской власти»².

Следует напомнить, что еще 17 апреля 1930 г., в рамках процесса низведения политического статуса Абхазии, проводившийся под давлением Москвы и Тифлиса, Совет Народных Комиссаров, т.е. правительство, «в целях упрощения,

¹ Большой террор в Абхазии (Абхазская АССР): 1937–1938. Том II. Совет Европы. 2017. С. 12.

² Газ. «Советская Абхазия», 3 ноября 1937 года.

удешевления и рационализации верховного управления ССР Абхазии», был ликвидирован постановлением 3 сессии 5 созыва ЦИКа Абхазии. Функции СНК были переданы Президиуму ЦИК Абхазии. Постановление также предусматривало: «Исключить из Конституции ССР Абхазии название «договорная республика», заменив его словами «Автономная республика» и «внести в Конституцию ССР Абхазии по согласовании с Конституцией ССР Грузии соответствующее изменение»¹. Исполнить предписанное вменялось в обязанность VI всеабхазского съезда советов, что он и выполнил на сврем последнем заседании 11 февраля 1931 г.² Это решение формально еще предстояло утвердить на VI-ом Всегрузинском съезде Советов, который начинал свою работу в Тифлисе в 8 часов вечера 15 февраля, а на 19 февраля, последний день его работы было назначено принятие Постановления о вхождении Социалистической советской республики Абхазии в Социалистическую республику Грузии в качестве автономной республики³ и внесение соответствующих изменений в Конституцию Грузии⁴.

14 февраля, накануне открытия Всегрузинского съезда Советов, на похоронах, в доме Тарнава, в с. Лыхны, где присутствовало до 200 крестьян, были определены место и дата схода – Дурипш, 18 февраля – канун утверждения решения о вхождении Абхазии в состав Грузии. При этом инициаторы схода акцентировали внимание на следующем обстоятельстве: «Нам Нестор Лакоба секретно сообщил, что если абхазцы выступят против колхозов и вообще проводимых мероприятий на селе Соввластью, то... в Абхазии колхозное строительство будет отменено»⁵.

Однако, значительно позже 27 февраля 1955 г. очевидец названных событий М.Л. Хашба в письме в Главную военную прокуратуру СССР, отвечая на вопрос о возможном участии Н. Лакоба в организации Дурипшского схода, писал: «Из

¹ Советы Абхазии (1922–1937 гг.) Сухум. 1976. С. 248–249.

² Газ. «Советская Абхазия», № 33, 12 февраля 1931 г. С. 1.

³ Постановление VI Всегрузинского съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Тифлис. 1931. С. 44–45.

⁴ Газ. «Заря Востока», № 50, 20 февраля 1931 г. С. 3.

⁵ Сводка о Гудаутских событиях от 3 мая 1931 г. // Архив Фонда Первого Президента РА. Папка «Дурипшский сход». Л. 440.

высказываний Н.А. Лакоба, известных мне, из моих личных наблюдений, я считаю, что Н.А. Лакоба не мог иметь никакой связи с зачинщиками вышеописанного, так называемого, самочинного схода, а наоборот, активно содействовал ликвидации его»¹.

Тем не менее, здесь, на мой взгляд, нужно учитывать время составления рассматриваемого письма и в связи с чем оно было написано, а также личность его автора. Во-первых, М. Хашба в ходе Дурипшского схода, как сотрудник центральных органов власти Абхазии, был задействован в работе по его разложению и ликвидации, в силу чего он к этому событию и тогда и после не мог относиться иначе как к антисоветскому мероприятию и, соответственно, он не мог признать Н. Лакоба организатором соответствующих деяний. Во-вторых, Н. Лакоба обвиняли в организации схода Берия и его подручные и это обвинение, в числе других, было использовано для объявления его «врагом народа». Теперь же они поменялись местами и, соответственно, Н. Лакоба не мог быть причастен к каким-либо делам, в которых его обвиняли разоблаченные «настоящие» «враги народа».

За более чем полтора года до написания рассматриваемого письма М. Хашба, 19 сентября 1953 г. была произнесена речь А.Т. Отырба, где приводились многочисленные факты ущемления интересов абхазского народа в сталинско-бериевскую эпоху, более того тогда было заявлено о продолжении грузинскими властями соответствующей политики². Однако, несмотря на громадное эмоциональное значение речи и беззаветное самопожертвование ее автора, недовольство абхазов политикой их насильственной ассимиляции и фактом включения своей страны в состав Грузии вряд ли кто-либо из числа тех, от кого это зависело, готов был обсуждать всерьез. Соответственно, об изменении конфигурации взаимоотношений Абхазии и Грузии, не говоря уже о пересмотре политического статуса этих взаимоотношений тогда не могло быть и речи.

Поэтому, в силу сложившихся тогда обстоятельств, приведенный выше ответ М. Хашба о возможности причастности Н. Лакоба к организации Дурипшского схода, на мой взгляд, мог быть только таким, а, следовательно, закономерен.

¹ М.Л. Хашба. Наследие. Сухум. 2005. С. 160–163.

² Аслан Отырба. По лезвию кинжала... Сухум – М. 2017. С. 61–65.

Впервые в историографии на взаимосвязь Дурипшского схода с понижением государственного статуса Абхазии обратил внимание С.З. Лакоба. Он тогда отмечал: «Одной из главных причин грандиозного схода было всеобщее недовольство народа преобразованием договорной ССР Абхазии в автономную республику в составе Грузинской ССР. Вопрос же о колхозах – это лишь то, что лежало на поверхности требований и послужило поводом к выступлению»¹. В дальнейшем эта точка зрения утвердилась в абхазской историографии, даже краткий обзор которой не входит в задачу данной публикации. Однако, здесь считаю уместным привести мнение грузинского ученого З. Папаскири, известного, прежде всего, тем, что всегда высказывает и «доказывает» альтернативный абхазским авторам взгляд на события и факты в истории Абхазии. Интересно, что здесь «нам (т.е. З. Папаскири – А. А.), вслед за С.З. Лакоба, представляется, что настоящей причиной выступления абхазов в феврале 1931 г. было недовольство, вызванное именно упразднением “договорной” республики». Правда при этом сказанное он увязывает с публикацией известной статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов», после которой, по его мнению, «в проведении коллективизации был взят более либеральный курс, что определенно сняло напряженность среди крестьянства»².

В силу сложности и недостаточной изученности проблемы нет недостатка в противоречивых оценках и разночтениях причин, движущих сил и последствий Дурипшского схода. Здесь считаю допустимым немного подробнее рассмотреть некоторые вехи биографии одного из его организаторов и руководителей Чичина Бебия в контексте обсуждаемых процессов. В частности, М.Л. Хашба в уже названном письме дает ему следующую характеристику: «Б. Чичин – подкулачник, бывший член Совета Национальностей ЦИК СССР. Буквально за неделю перед этими событиями на Съезде Советов Абхазии, вместо Б. Чичина в состав Совета Национальностей СССР был выдвинут другой человек»³,

¹ С.З. Лакоба. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми. 1990. С. 90–91.

² З. Папаскири. Абхазия. История без фальсификации. Издание второе, исправленное и дополненное. Тб. 2010. С. 259–260.

³ На VI всеабхазском съезде Советов кандидатами в члены совета национальностей ЦИК СССР были избраны Чалмаз и Зантария.

в связи с чем он был обижен на Н.А. Лакоба и на все правительство»¹. Однако, на мой взгляд, данная характеристика нуждается, мягко говоря, в некоторых комментариях и пояснениях.

Чичин Чичинович Бебия, по сведениям, собранным в свое время С. Кварчия, родился в 1861 г.² (следовательно, в рассматриваемое время ему должно было быть 70 лет), тем временем в «Списке лиц, проходивших по агентурным данным (а также и материалом прикрепленных), принимавших и участвовавших активно в выступлении против проводимых мероприятий Соввластью на селе по Гудаутскому району», датированном 4 марта 1931 г., сообщалось, что ему 50 лет³, следовательно, он должен был родиться на 20 лет позже. Однако, первая дата, судя по всему, может быть ближе к действительности, ибо Ч. Бебия еще в царское время был старшиной с. Джирхва, в которую тогда в качестве территориальной единицы входил Хуап. Об одном эпизоде деятельности Ч. Бабия, как он назван в рассказе, на этой должности со слов жителя с. Хуап Николая Хашиг в 1989 г. поведал общественный деятель Мирод Гожба⁴.

Впоследствии Ч. Бебия был участником революционного движения, сражений за советскую власть, а после ее установления работал председателем сельсовета с. Джирхва⁵. Избирался членом 4 и 5 созывов ЦИК СССР⁶. В частности, на 4 съезде Советов СССР 26 апреля 1927 г., в то время как Н. Лакоба был избран членом Союза Советов ЦИК СССР⁷, членами Совета Национальностей от Абхазской ССР – Квантелиани Епифан, Г.Ф. Стуруа, Хабурзания Ясон, Чанба Самсон, Чочуа Андрей (беспарт.); кандидатами – Бебия Чичин (беспрт., к-ин) и Ладария Владимир⁸. Кстати, тогда на этом же съезде Е.А. Эшба был избран кандида-

¹М.Л. Хашба. Наследие. Сухум. 2005. С. 160–163.

²С.Ч. Кварчия. История села Хуап. Дипломная работа. Сухум. 1987. С. 34 (на абх. яз.).

³Архив Фонда Первого Президента РА. Папка «Дурипшский сход». Л. 166.

⁴М.С. Гожба. Родник Хурбыца. Сухум. 2006. С. 210–214. (на абх. яз.).

⁵С.Ч. Кварчия. История села Хуап. Дипломная работа. Сухум. 1987. С. 34 (на абх. яз.).

⁶Там же.

⁷Газ. «Известия», № 94, 27 апреля 1927 г. С. 4.

⁸Газ. «Известия», № 94, 27 апреля 1927 г. С. 5.

том в члены Совета Национальностей ЦИК СССР от Чеченской автономной области¹.

Что касается VI всеабхазского съезда Советов, то на его первом заседании Ч. Бебия был избран в деловой президиума², а на утреннем заседании 5 февраля – в комиссию по изменениям в конституцию ССР Абхазия³. В нее тогда также вошли Н. Лакоба, Лагвилава, Кобахия, Тория, Е. Шамба, Петросян, Багапш, Петровский, Пантелиди и Сангулия (естественно, Ч. Бебия, как и Н. Лакоба и другие, не мог не понимать о чем идет речь, но политика во все времена была «искусством возможного»).

На утреннем заседании 8 февраля Ч. Бебия принял участие в прениях по отчету правительства, с которым на съезде выступил Председатель ЦИК Н. Лакоба. Правда в сообщении об этом, опубликованном тогда в газете, вероятно, по ошибке он был обозначен как представитель Кодорского района. При этом надо отметить, что при представлении подавляющего большинство выступающих после приставки «тов.» приводилась только фамилия оратора, в частности: «Речь тов. Чанба»⁴, «Речь тов. Лагвилава»⁵, «Слово тов. Бигвава»⁶, «Слово тов. Антия»⁷, «Слово тов. Нанба»⁸, «Выступление тов. Богапш»⁹, «Выступление тов. Кобахия»¹⁰, «Выступление тов. Зантария»¹¹, «Речь тов. Чочуа»¹², «Речь тов. Аппба»¹³, «Речь тов. Колбая»¹⁴, «Речь тов. Исаенко»¹⁵, «Речь тов.

¹ Там же.

² Газ. «Советская Абхазия», № 28, 5 февраля 1931 г. С. 1.

³ Газ. «Советская Абхазия», № 29, 7 февраля 1931 г. С. 1.

⁴ Газ. «Советская Абхазия», № 30, 8 февраля 1931 г. С. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Газ. «Советская Абхазия», № 31, 9 февраля 1931 г. С. 2.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Шамба»¹, «Речь тов. Анчабадзе»², «Речь тов. Поратиди»³, «Речь тов. Микеладзе»⁴, «Речь тов. Руссо»⁵, «Речь тов. Цамлия»⁶, «Речь тов. Конджария»⁷, «Речь тов. Бения»⁸, «Речь тов. Пачулия»⁹ и т.д. В интересующем же нас случае доклад был озаглавлен - «Речь тов. Ч. Бебия»¹⁰, что, вероятнее всего, свидетельствует, что здесь имеется в виду именно герой нашего повествования. Наверное, небезынтересно, что из вышеуказанного ряда выбивается только два оратора, выступления которых обозначены соответственно, как «Речь тов. Капитона Тория»¹¹ и «Речь тов. Нины Барганджия»¹².

Тогда в выступлении Ч. Бебия на съезде говорилось: «Наше правительство совершенно правильно решило вытеснить нерентабельные культуры, и таким путем расширить посевную площадь под табаком. Основная масса крестьянства это понимает и согласна увеличить площади под табаком. Но для увеличения площади под табаком необходим ряд условий. В прошлом году во время посевной кампании и во время уборки урожая были затруднения с дранью, шнурами и т.п. Поэтому, в этом году нужно своевременно принять меры, чтобы снабдить табакотводов соответствующими материалами. Изготовление драни из фруктового леса запрещено. Сразу перейти на другие виды кровельных материалов, например, на камыш или папоротник, будет трудно. Нужно разрешить частично изготавливать дрань из фруктового леса. В этих вопросах правительство должно принять самые решительные меры до начала уборки табака. Снабжение сельскохозяйственными машинами имеет большое значение в развитии колхозного движения. В дальнейшем должно быть уделено больше внимания на снабжение районов сельскохозяйственными машинами»¹³.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Газ. «Советская Абхазия», № 32, 10 февраля 1931 г. С. 2.

⁵ Газ. «Советская Абхазия», № 33, 12 февраля 1931 г. С. 2.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Газ. «Советская Абхазия», № 32, 10 февраля 1931 г. С. 2.

¹¹ Газ. «Советская Абхазия», № 31, 9 февраля 1931 г. С. 2.

¹² Газ. «Советская Абхазия», № 32, 10 февраля 1931 г. С. 2.

¹³ Там же.

Как видно, Ч. Бебия, несмотря на ряд критических замечаний, поддерживал официально провозглашенную политику советской власти в области сельского хозяйства – колхозное строительство и приоритет технических культур над кукурузой, что, кстати, не очень нравилось крестьянам, воспринимавших это как посягательство на их традиционный уклад жизни. Интересно, что во время заключительной речи секретаря ЦК КП(б)Г тов. С. Мамулия на объединенном пленуме обкома и облКК¹ абхазской организации КПГ 14 марта 1931 г. может с сожалением, а может в ответ на критику за невыполнение плана заготовок кукурузы, из зала прозвучала реплика: «У нас кукуруза вытеснена технической культурой»².

Возвращаясь к вышеозначенной речи Ч. Бебия, надо иметь в виду, что он ее произносил на абхазском языке, а переводилась и озвучивалась она в нужном и «востребованном» времени духе, в соответствии с которым и была чуть позже подготовлена к публикации, цитата из которой приведена выше. Да и сам он уже долгое время будучи в политике, наверняка, хорошо разбирался в ее хитросплетениях... Может быть отчасти с этим связана его характеристика, содержащая в «Списке лиц, проходивших по агентурным материалам и замешанных в участии в антисоветских мероприятиях по селам Гудаутского района» от 23 февраля 1931 г., составленном органами АбГПУ, где о нем сообщается следующее: «Член ЦИК СССР, до этого в антиколхозном движении участия не принимал»³.

Впрочем, наряду с вопросами села и сельского хозяйства Ч. Бебия в своем названном выступлении затронул тему образования и школьного строительства. Он, в этой части своей речи, тогда говорил: «Культурные запросы трудящихся растут быстрее, чем число школ. Если раньше крестьянин абхазец не пускал в школу своих детей, то теперь он сам желает учиться. Правительство должно уделить больше внимания школьному строительству»⁴.

Сразу после съезда Ч. Бебия включился в организацию схода крестьян Гудаутского района, который затем стал известен как

¹ Областная Контрольная комиссия.

² Газ. «Советская Абхазия», № 63, 22 марта 1931 г. С. 2.

³ Архив Фонда Первого Президента РА. Папка «Дурипшский сход». Л. 102.

⁴ Газ. «Советская Абхазия», № 32, 10 февраля 1931 г. С. 2.

Дурипшский, хотя подготовка к сходу, судя по всему, началась еще раньше. При любых обстоятельствах и оценках ясно, что Ч. Бебия не мог не отдавать себе отчет, к каким последствиям может привести столь серьезное событие, как Дурипшский сход, который, в любом случае, был бы квалифицирован вышестоящими органами как антиправительственное выступление. Вообще, на мой взгляд, его образ никак не вяжется с человеком, для которого обида, связанная с возможным не избранием в Совет Национальностей ЦИК СССР, о которой говорит М. Хашба, могла стать руководством к действию и, соответственно, мотивом к участию или неучастию в важных общественно-политических событиях. Тем более это утверждение становится еще менее основательной, если учесть, что Ч. Бебия в последний день работы VI всеабхазского съезда был избран членом нового состава ЦИК Абхазии¹.

В «Списке лиц, проходивших по агентурным данным (а также и материалом прикрепленных), принимавших и участвовавших активно в выступлении против проводимых мероприятий Соввластью на селе по Гудаутскому району», датированом 4 марта 1931 г., сообщалось, что Ч. Бебия – «Руководитель схода, инициатор организации “Киараза”, а также участник в посылке ходоков по селам и районам для созыва на сход в сел. Дурипш и Ачандара для участия в принятии решений по вопросу выдвинутых требований правительству и руководитель присяги. Пользуется большим авторитетом среди крестьян всего Гудаутского района. Постоянно проводил дворушническую политику в целях пользы и личной выгоды, благодаря своему авторитету как члена ЦИКа СССР»². Эти же данные повторяются и в «Списке организаторов и активистов, участвовавших в выступлениях против проводимых мероприятий Сов. власт по Гудрайону»³.

Думается, очевидно, Ч. Бебия – один из главных организаторов и руководителей Дурипшского схода – был единомышлен-

¹ Газ. «Советская Абхазия», № 34, 13 февраля 1931 г. С. 1.

² Архив Фонда Первого Президента РА. Папка «Дурипшский сход». Л. 162.

³ Дурипшский сход. Архивные документы». Совет Европы. 2019. С. 400–403.

ником Н. Лакоба. Е. Бебия¹ и С. Кварчия² также сообщают, что Н. Лакоба и Ч. Бебия являлись соратниками. Соответственно, им также суждено было разделить одну и ту же участь. «Бебия Чечин» числится в списках «выявленных членов к-р повстанческой, вредительской, террористической организации в Гудаутском районе, проходящих по показаниям»³. По другим данным он был репрессирован в годы Большого террора по обвинению в троцкизме⁴. Более конкретными сведениями, связанными с осуждением и гибелью Ч. Бебия мы пока не располагаем.

Критический подход, востребованный при работе с документами какой бы то ни было эпохи, вдвойне актуализируется в отношении материалов, в свое время составленных спецслужбами, и являющихся на сегодня важными историческими источниками. Академик Н.Н. Покровский для анализа таких документов предлагал использовать источниковедческое правило, предложенное Я.С. Лурье: в тенденциозном источнике наиболее достоверны сведения, противоречащие этой тенденции, а наименее – совпадающие с ней. Это относится и к документам о Дурипшском сходе соответствующего происхождения, авторы которых тогда, очевидно, стремились не столько к фиксации реального положения дел, а сколько к оправданию себя и своего начальства перед лицом истории и в глазах последующих поколений. «Трудности перевода» названных документов свидетельствует, что в них задача подгонялась под уже готовый ответ.

В Оперативной сводке № 17 по Гудаутскому району по состоянию на 6 марта 1931 г. сообщалось: «Чл. ЦИКа СССР Чичин Бебия, после абхазского Съезда Советов, начал агитировать против мероприятий Соввласти, говорил крестьянам: «Мы, крестьяне, не можем в дальнейшем жить согласно тех постановлений, которые вынесены съездом Советов Абхазии в отношении крестьян-

¹ Е.Г. Бебия. Наша родословная. (Историко-документальная повесть). Краснодар. 2018. С. 191 (на абх. яз.).

² С.Ч. Кварчия. История села Хуап. Дипломная работа. Сухум. 1987. С. 34 (на абх.яз.).

³ Большой террор в Абхазии (Абхазская АССР): 1937–1938. Том. II. Совет Европы. 2017. С. 71.

⁴ С.Ч. Кварчия История села Хуап. Дипломная работа. Сухум. 1987. С. 35 (на абх. яз.).

ства»¹, а в сводке СО АбГПУ от 21 марта 1931 г., в информации осведомителя под псевдонимом «Хребет», говорилось: «Сообщаю, что как только приехал со съезда жит. сел. Джирхва Бебия Чичин, начал агитировать, что «мы, крестьяне, не можем в дальнейшем жить согласно постановления съезда»². В последнем документе, в отличие от предыдущего, нет уточнения – «в отношении крестьянства», что произошло, видимо, по недосмотру тех, кто его готовил, хотя именно он был первичным по отношению к ранее процитированному, ибо первый документ составлялся на основе второго. При этом не должна смущать дата, которая стоит под вторым документом, она, очевидно, является временем передачи сводки на хранение в папку или в архив, ибо здесь речь идет о «сводке с полей», которая не могла появиться позже, чем сводный документ. Судя по всему, сообщение «с полей» осведомителя «Хребет» правильнее будет отнести ко времени до начала, или, по крайней мере, к первым дням после начала Дурипшского схода.

Названное обстоятельство свидетельствует, что в Оперативную сводку № 17, готовившуюся для вышестоящих инстанций, факт недовольства Ч. Бебия решениями съезда «в отношении крестьянства» добавлены ее составителями. Это, очевидно, было продиктовано их стремлением исключить упоминание о несогласии абхазов с включением Абхазии в состав Грузии, т.к. в будущем оно могло помешать пропаганде дара предвидения Сталина, ибо идея вхождения Абхазии в состав Грузии, как части процесса растворения абхазов в «высококультурной» грузинской этнокультурной среде им была озвучена еще в 1913 г.³, которая затем воплощалась в жизнь под его руководством. Надо помнить и о том, что мало кто тогда сомневался, что названная идея будет осуществлена. То есть через несколько десятилетий от абхазского народа, как от самостоятельной этнической единицы, не должно было остаться и следа, и в этих условиях появление из архивов документов, свидетельствовавших о том, что абхазы не жалели для себя такого «благоденствия» как ассими-

¹ Архив Фонда Первого Президента РА. Папка «Дурипшский сход». Л. 203.

² Там же. Л. 329.

³ И.В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, М. ОГИЗ, 1946. С. 350–351.

ляция в чужой «высококультурной» среде, стало бы историческим «конфузом». Следовательно, тем, кто освещал рассматриваемый процесс, вероятно, была дана установка не фиксировать в документах факты, свидетельствовавшие о недовольстве изменением политического статуса Абхазии, при этом делая упор на выступления против мероприятий советской власти на селе, тем самым придавая Дурипшскому сходу исключительно классовый характер.

О КНИГЕ АДИЛЕ АББАС-ОГЛЫ «НЕ МОГУ ЗАБЫТЬ»

После выхода в 2005 году книги Адиле Шахбасовны Аббас-оглы «Не могу забыть», многие смогли ознакомиться подробнее с жизнью и судьбами жителей Абхазии в период 1930–1950-х гг. Адиле Шахбасовна сама являлась непосредственной участницей этих событий, в 1939 году ее арестовали как родственницу семьи Н. Лакоба, поскольку она была невесткой Сарии Лакоба.

Эта книга дает полное описание того, что люди пережили в эти грозные годы. Она стала известна и за пределами Абхазии и России. Я передала экземпляр книги в Грецию нашему земляку Георгиосу Григориадису. Вот что он затем написал:

«Большое спасибо автору. Многое из книги напоминает мне то, о чем мне мама рассказывала о жизни в Абхазии до отравления Лакоба. Я ей вчера читал выдержки из книги, и она заново переживала те дни. Например, когда я читал, как привезли тело Лакоба, то она вспомнила как их весь четвертый класс греческой школы, вместе с директором Митафиди Манолисом, поехали в Келасур, на вокзал, и как все дети плакали, потому что его очень любили. Передай дорогой Адиле, что ее книга доставила нам много радости, хотя там и много печальных страниц, но, она нам напомнила о нашем старом городе, в те годы, я, конечно же, еще не родился, но очень многое слышал, а мама особенно рада. Дам почитать нашим знакомым, все будут особенно рады. Для сухумчан эта книга особенно дорога. Ее не доставало. И очень здорово, что она ее написала, восполнив огромный пробел в литературе и историографии».

Л.Н. ТОЛСТОЙ И АБХАЗИЯ: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Лев Николаевич Толстой никогда не бывал в Абхазии, в своих произведениях о ней ничего не писал, однако имеется ряд косвенных свидетельств, в какой-то степени связывающих его со «Страной души».

Запись в дневнике Л. Толстого

4 ноября (по старому стилю) 1853 г. Толстой сделал в своем дневнике следующую «загадочную» запись:

«Абхазия лежит по ту сторону гор, почти на против Эльбурса. Имеет до 30 000 ж[ителей]. Главные укрепленные места Сухум-Кале, Бомборы. Резиденция же Абхазского владетеля Суук-Су¹. Абхазцы христиане»².

По-видимому, Л. Толстой сделал в дневнике выписку из какого-то издания или документа; стало быть, он проявлял к Абхазии определенный интерес.

В примечаниях к т. 46 полного собрания сочинений Л. Толстого, выпущенного в 1937 г., в котором и была опубликована эта дневниковая запись, редакционный комитет издания добавил от себя следующие сведения об Абхазии:

«Абхазия – страна между восточным берегом Черного моря и кавказским хребтом, в Кутаисской губернии, бывшая с давних пор уделом владетельных князей Шервашидзе; в 1810 г. была присоединена к России.

Сухум-Кале, – окружной и портовый город Кутаисской губ. на восточном берегу Черного моря.

Бомборы. – Укрепление в Абхазии к северо-западу от мыса Суук-су, на восточном берегу Черного моря.

Суук-су. – (Точнее Соук-су) – селение в Абхазии, к северо-западу от Сухум-кале, на восточном берегу Черного моря; здесь была резиденция абхазских владетельных князей Шервашидзе.

Абхазцы – горское племя, населяющее Абхазию.

¹ Лыхны.

² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / Под общей ред. В.Г. Черткова. Серия вторая. Дневники. Т. 46. М., 1937. С. 195–196.

Абхазцы-христиане. – Многочисленные развалины церквей, нередко отличающиеся обширными размерами и прекрасной архитектурой, свидетельствуют о процветавшем некогда среди абхазцев христианстве. Мусульманство начало распространяться только с половины XVI века. В 50-х годах [XIX века] верования абхазцев представляли собой смесь христианства с первобытным язычеством»¹.

Книжка, изданная в Сухуме и подаренная Л. Толстому

«Устав Сухумского общества борьбы с туберкулезом» был выпущен в Сухуме в 1908 г. Экземпляр брошюры случайно попался мне в одной частной коллекции. На ее титульном листе имеется дарственная надпись, которая гласит: «Льву Николаевичу Толстому от А.М. Померанцевой-Фроленко».

Анна Михайловна Померанцева-Фроленко (1860–1924) – общественный деятель, врач, учитель, автор «Руководства к устройству и ведению яслей» (СПб., 1913) и воспоминаний о музыкальном критике Владимире Стасове. Что же ее связывало с Абхазией? Муж ее, Михаил Федорович Фроленко (1848–1938), был известным революционером-народником и участником покушений на императора Александра II (в 1879 и 1881 гг.). После второго покушения, в результате которого царь был убит, М. Фроленко приговорили к смертной казни, замененной затем «вечной каторгой». Отсидев в Алексеевском равелине и Шлиссельбургской крепости почти четверть века, после Первой русской революции 1905 г. он был освобожден. В 1907 г. женился на Анне Померанцевой и поселился с ней в абхазском городе (в те времена его называли «местечком») Гудаута, но вскоре, заболев малярией, уехал на лечение за границу. Вернувшись в 1908 г., он осел уже не в Гудауте, а в Геленджике, где занялся садоводством. Несмотря на это, супруги продолжали поддерживать связь с Абхазией; достаточно сказать, что в 1914 г. М. Фроленко выпустил в Сухуме, с помощью Сухумской садовой и сельскохозяйственной опытной станции, книгу «Огородничество в Геленджике». По всей видимости, в 1908 г., в год выхода «Устава...», А. Померанцева-Фроленко и подарила экземпляр брошюры Л. Толстому.

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / Под общей ред. В. Г. Черткова. Серия вторая. Дневники. Т. 46. М., 1937. С. 444.

Л. Толстой о странниках

Душан Петрович Маковицкий (1866–1921), словацкий писатель, переводчик, общественный деятель, личный врач Толстого, в своем дневнике 13/26 мая 1905 г. писал, что Льва Николаевича посетил профессор французской литературы Эдинбургского университета Шарль Саролеа. В беседе с ним Толстой упоминает Новый Афон:

«Саролеа очень понравились русские паломники в Иерусалиме, видел их три тысячи (в иные годы их бывает 20 тысяч) и в Киеве – 15 тысяч. Лица осмысленные, видна самостоятельность, достоинство, вера. Спрашивал, нет ли о них литературы.

Л. Н.: Это известное состояние странничества, в котором они находятся. Кто лишается места, жена умирает, другое несчастье случится – идет странствовать. Имеет обеспечение – хлеб и кров. Щедрин писал о них, Лесков и другие. Имеют выработанные пути, идут в Киев, к Полтаве... в Воронеж, *Новый Афон* (курсив мой. – А. Д.) на Кавказе... Легкий способ познать их – возьмите сумку, обуйте лапти и идите с ними»¹.

О несостоявшейся поездке Софьи Андреевны Толстой в Гагру

28 сентября 1906 г. Д. Маковицкий сделал в своем дневнике следующую запись:

«Снегирев уговаривает Софью Андреевну ехать в Гагры»².

То есть в 1906 г. известный врач Владимир Федорович Снегирев (1847–1916), посетивший Ясную Поляну, пытался уговорить жену Толстого Софью Андреевну поехать на лечение в Гагру, где три года назад был открыт новый великосветский курорт. Однако, увы, не уговорил, или Софья Андреевна не имела по какой-то причине возможности поехать на уже успевший стать знаменитым курорт. Это, конечно же, достойно сожаления, ведь теоретически она могла уехать в Гагру не только одна, но и вместе со Львом Николаевичем...

¹ У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого // Литературное наследство. Т. 90, кн. 1. М., 1979. С. 280.

² У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого // Литературное наследство. Т. 90, кн. 2. М., 1979. С. 246.

Еще одно упоминание Гагры

12 августа 1908 г. тот же Д. Маковицкий делает еще одну запись в своем дневнике, где снова упоминается Гагра:

«Сергей Дмитриевич¹ был у кровати Л. Н. Говорил ему, что с женой решили переехать в Гагры на зиму. Говорил, что ему путешествие на Кавказ неинтересно, а что есть нечто другое – интересна стала работа над собой, борьба со своей злобой. Л. Н. сказал ему, что он тоже так работает над собой, и теперь, находясь в постели, работает над собой, и это его занимает, другое занимать перестало, о славе – и говорить нечего»².

Письмо Л. Толстому из Сухума

Д. Маковицкий 13/26 апреля 1908 г. в своем дневнике сообщает еще об одной детали, косвенно связывающей Л. Толстого с Абхазией:

«Праздник светлого воскресения. Л. Н. встал в 9 часов и пошел один гулять. В 10-м часу посидел в кресле в зале. Все не может вспомнить ни про вчерашнюю дурноту, ни про обед. Только говорил про вчерашнее вечернее состояние вообще:

– Очень хорошее состояние, очень хорошее.

Когда я вошел, поблагодарил меня, что ночью вставал к нему и делал массаж, после которого не было изжоги.

– Не знаю, – говорил Л. Н., – от магнезии ли (которую принял второй раз перед массажем) или от массажа.

Говорили о праздновании пасхи.

Л. Н. взял почту и удалился в свою комнату. Через короткое время вернулся с номером “Руси”:

– Вот эти празднуют хорошо! Четыре казни в Нижнем Новгороде, один смертный приговор. А вы говорите, – обращаясь к Михаилу Сергеевичу³, – умирать не надо. Поскорее умереть! – сказал с ударением, донятый новыми казнями.

Опять ушел в кабинет. Скоро вернулся с письмом в руке:

¹ Горчаков Сергей Дмитриевич – родственник Л. Толстого.

² У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого // Литературное наследство. Т. 90, кн. 3. М., 1979. С. 164.

³ Сухотин Михаил Сергеевич (1850–1914) – зять Л. Толстого, муж его старшей дочери Татьяны Львовны.

– Получил очень хорошее письмо, кто прочтет?

Аля Сухотин¹ прочел. Письмо из Сухума (курсив мой. – А. Д.). Один отец упрекает Л. Н. за то, что дети его идут за Л. Н., что он причина развала России на радость немцам и жидам. Очень упрекает Л. Н-ча, ругает.

Л. Н.: Очень хорошее письмо, православный пишет. Это мне истинно приятно»².

Разумеется, в этих высказываниях Льва Николаевича явно прослеживается сарказм, своего рода «черный юмор», вызванный некоторыми негативными явлениями окружающей жизни.

КАК ЧАЙКОВСКИЙ ПРОСПАЛ СУХУМ

В июне-июле 1887 г. Петр Ильич Чайковский находился на отдыхе в Боржоми (Грузия). Оттуда он решил ехать в Германию, чтобы навестить одного своего тяжелобольного друга, которого безуспешно пытались вылечить немецкие врачи. Сначала Чайковский отправился в Батум, куда прибыл 6/18 июля. На другой день он сделал следующую запись в своем дневнике:

«7 июля. (Батум). Вставши и напившись чаю, пошел побродить, а билеты на пароход поручил взять швейцару. Сад у моря в сравнении с прошлым годом заглож и имеет заброшенный вид. Был в порте, пил в кофейне турецкий кофе. Ходил по берегу, вдоль рельсов и дошел до батареи. Жара непомерная. Дома написал Пανε письмо. С Алешей купались. Извозчик из Орловских мужичков. Завтрак. Опять ходил по городу и турецкий кофе пил. Купил кое-что. Дома. Чай. На пароход. Вышли в пятом часу. На палубе. Вскоре обед. (Спутники: жандарм с толстой грязной женой и ребенком, те самые, что в мой вагон накануне залезали), Армянское семейство с длинноносими барышнями; молодой человек с черными бакенбардами, приторный, ухаживающий за барышнями; три неопределенных господина в чесунче [шелковая ткань], один пожилой франтоватый господин, вспоминавший герцога Шартрского и вообще аристократничающий и

¹ Сухотин Алексей Михайлович (1888–1942) – лингвист и переводчик; пасынок Татьяны Сухотиной-Толстой (дочери Л.Н. Толстого).

² У Толстого. 1904–1910: «Яснополяanske записки» Д.П. Маковицкого // Литературное наследство. Т. 90, кн. 3. М., 1979. С. 57.

молодящийся, вот и все, кажется). Капитан обедал с нами. Он похож на покойного Государя, но очень мал ростом, весьма разговорчив, довольно симпатичен, хотя и не далек, по-видимому. Обычное враждебное чувство к пассажирам. После обеда все время на палубе и разговаривал лишь с Алешей. Чудесный закат солнца. Чай. Лег спать очень рано, в 10 часов. Так крепко спал, что и не слышал, как мы в Сухуме (курсив мой – А. Д.) останавливались и выгружались»¹.

Итак, пассажирский пароход «Владимир», на который сел Чайковский, совершил остановку в Сухуме 8/20 июля 1887 г. Однако композитор, попросту говоря, проспал часы своего пребывания в столице Абхазии (в то время – Сухумский округ). Подбрав новых пассажиров, а кое-кого, возможно, высадив в Сухуме, «Владимир» отправился дальше.

Чайковский продолжил свои дневниковые записи в тот же день, 8 июля, но делал он это уже в пути, когда «Владимир» отъехал далеко от Сухума.

¹ Дневники П.И. Чайковского. 1873–1891 / Подготовлены к печати Ип.И. Чайковским. СПб., 1993. [Репринтное воспроизведение издания: М. – Пг., 1923.]. С. 157–158.

ИЗ ДНЕВНИКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ ДМИТРИЯ МИЛЮТИНА¹

[Сентябрь 1860 г.]

21-го числа Государь² снова переехал за Кубань на укрепления Адагумское, Крымское и Константиновское. В Новороссийске ожидал его пароход «Тигр», на котором Его Величество отплыл в Сухум, куда прибыл утром 22-го сентября, несколько ранее, чем Его ожидали. При выходе Государя на берег Его встретили местные начальники и толпа народа; не было лишь владельца Абхазии, генерал-адъютанта князя Михаила Шервашидзе, почему-то опоздавшего на пристань. Он явился только уже после приема Государем князей и почетных лиц абхазских и цебельдинских. По показанию очевидцев князь Михаил, прибежав запыхавшись, бледный, едва стоял на ногах; холодный пот стекал по его впалым и посиневшим щекам, не столько от лихорадки, сколько от смущения и боязни неблагосклонного приема. Однако ж Государь обошелся с ним весьма милостиво, подал ему руку и обнял его. Князь Шервашидзе бросился целовать Государеву руку и видимо ожил. Придя в дом, приготовленный для приема Его Величества, не в дальнем расстоянии от пристани, Государь пригласил князя Михаила в особую комнату и, поговорив с ним наедине несколько минут, потребовал туда же князя Григория Дмитриевича Орбельяни и генерала Карпова, которым сказал: «Вот я говорил с князем о дороге, которую мы думаем провести из Сухума на северный склон хребта. Князь не считает это невозможным и охотно принимает на себя как разыскание местности, так и самое исполнение предприятия...» Князь Шервашидзе начал говорить о необходимости предварительных изысканий, о предположениях своих относительно приведения горских племен в покорность и т.д. Владелец Абхазии, за которым много было в его жизни грехов, казался на этот раз совершенно благонамеренным и готовым усердно выполнить Высочайшую волю. Но когда Государь предложил ему сопровождать

¹ Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912) – военный и государственный деятель Российской империи, генерал-фельдмаршал, граф.

² Александр II.

Его Величество в Кутаис, он отклонил это любезное приглашение под предлогом болезни.

После обеда, к которому был приглашен и князь Михаил, Государь отплыл из Сухума...

Почти в ту минуту, когда Государь отправлялся на пароход, курьер из Сухума привез письмо владельца Абхазии к князю Григорию Дмитриевичу Орбельяни, заключившее в себе просьбу князя Михаила о разрешении ему поездки в Константинополь, будто бы для совещания с врачами. На эту просьбу немедленно же дано было Государем разрешение; но такое внезапное заявление князя Шервашидзе показалось кавказскому начальству несколько подозрительным после только что оказанного ему Его Величеством внимания. Князь Михаил во всю свою жизнь всегда хитрил и интриговал; не раз он был уличаем в сношениях и связях с турецким правительством, в подстрекательстве горцев против России и тому подобных происках. В самое последнее время обнаружилось, что по его внушению несколько небольших племен: там, баг, шах-гирей, выгнанные графом Евдокимовым с северной стороны хребта, не ушли в Турцию, как намеревались, а остались у медовеевцев на южном склоне гор; он же внушил горским племенам, еще остававшимся в западной части Кавказа, образовать между собою союз, очевидно, для противодействия русским, хотя впоследствии он уверял, в оправдание свое, будто имел при этом в виду облегчить нашему правительству успех переговоров с горцами и приведение их в покорность. Все эти обстоятельства побуждали кавказское начальство относиться с недоверием ко всем поступкам князя Шервашидзе и следить за его поведением в Константинополе, – о чем было сообщено и посланнику нашему князю Лобанову-Ростовскому.

[1861 г.]

В Кутаисском крае назначение генерал-губернатором генерал-лейтенанта Николая Петровича Коллюбакина оказалось не совсем удачным. Его задорный, раздражительный характер возбуждал общее неудовольствие. Владелец Абхазский князь Михаил Шервашидзе не мог слышать его имени. Коллюбакин имел привычку поперечить всем и во всем; не уживался ни с высшим начальством, ни с подчиненными. Между прочим, и предпо-

ложение, лично одобренное Государем, о проложении дороги из Сухума на северную сторону Кавказского хребта, встретило почему-то оппозицию со стороны нового генерал-губернатора, считавшего этот проект неисполнимым. Что касается до князя Шервашидзе, то он не воспользовался полученным Высочайшим разрешением на поездку в Константинополь, по причине болезни жены, которая вскоре и скончалась.

[1862 г.]

Окончательному утверждению нашему за Кубанью предполагалось оказать содействие движением отряда со стороны Абхазии, в нагорную страну Псху и проложением в этом направлении дороги на северный склон Главного хребта чрез перевалы Доу и Ахбырц. Для этого движения предназначался отряд в 6 батальонов с 4 орудиями, то есть почти все, что было свободных войск в Кутаисском генерал-губернаторстве. Предприятие это, как известно, по личной воле Государя предполагалось возложить на владетеля Абхазского генерал-адъютанта князя Михаила Шервашидзе. Но князь Михаил, привыкший во всю свою жизнь действовать двулично и по своим личным побуждениям, неохотно принял на себя это поручение. Можно полагать, что он был связан своими прежними тайными сношениями с горскими племенами, соседними с Абхазией, или даже продолжал вести интриги для поддержания своего влияния в крае. Каковы бы ни были его затаенные цели, во всяком случае, он видимо искал предлогов, чтобы отклонить предположенное движение отряда в горы и проложение новой дороги. В письме к начальнику главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенанту Карцову князь Михаил требовал, чтобы отряд, назначавшийся под его начальство, был значительно усилен и чтобы он, владетель, был избавлен от всяких сношений с кутаисским генерал-губернатором генерал-лейтенантом Колюбакиным. Сношения с ним почему-то казались унижительными для достоинства князя Шервашидзе. Ненависть князя Михаила к Колюбакину доходила до того, что раз он даже высказал желание, чтобы последнему было запрещено произносить имя владетеля. Князь Гр<игорий> Дм<итриевич> Орбельяни, зная своенравный характер князя Михаила, командировал в Сухум генерал-квартирмейстера Кав-

казской армии генерал-майора Зотова с поручением объяснить лично владельцу Абхазскому невозможность удовлетворения его требований и уверить его, что генерал Колюбакин не только не будет в чем-либо ему прекословить, но готов даже стать под его начальство, в звании начальника штаба отряда. Ничто не подействовало; приходилось или устранить князя Михаила от командования отрядом, или совсем отменить предприятие. Решение этого вопроса было предоставлено на ближайшее усмотрение генерал-адъютанта князя Орбеляни, о чем сообщено ему в моем письме от 25-го марта; по получении же донесения его обо всех обстоятельствах Государь решил (6-го апреля) отложить экспедицию. В то же время, по Высочайшему повелению, сообщено мною о поведении владельца Абхазского фельдмаршалу князю Барятинскому, для получения его мнения по этому предмету.

Князь Барятинский, которому вполне известны были и характер князя Михаила Шервашидзе, и обычный его образ действий, считал, однако же, нужным относиться к нему снисходительно, как к лицу влиятельному в приморской полосе Кавказа. При одном из своих с ним свиданий фельдмаршал даже имел неосторожность объявить ему, что русское правительство не коснется прав владельца до конца его жизни и что только с кончиной его, князя Михаила, будет введено в Абхазии русское управление. Факт этот подтвержден самим князем Барятинским в ответе его от 28-го апреля/10-го мая из Зайна на мое письмо от 7-го апреля. В этом ответе выражалось мнение, что князя Михаила нельзя ни в чем винить, кроме только некоторой резкости его письма, объясняемой частью природной его гордостью, частью недостаточным знанием русского языка. В заключение высказано, что владелец Абхазии мог еще быть для нас полезен, если только щадить его самолюбие, не раздражать его и не выказывать ему недоверия. Затем дело это было оставлено без последствий.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. – М.: «Российский Архив», 1999. – С. 149–151, 207, 412–413.

[Ноябрь 1883 г.]

7-го числа, на рассвете, пароход остановился у Джубы; затем у Туапсе, где возникло уже порядочное поселение; далее – у Псеуапсе, Сочи, Адлера, Гудаута. У каждого пункта подходила к пароходу лодка, привозила и принимала пассажиров и грузы; но везде заметно было слабое еще развитие населенности и культуры. Более всего поражает здесь разнородный, пестрый состав населения. Среди общей бедности и дикости, характеризующих все это побережье, глаз с каким-то изумлением останавливается на прихотливой и затейливой постройке богатого купца Сибирякова, который возвел близ Псеуапсе нечто вроде замка, с каменной лестницей, спускающейся к морскому берегу.

Близ Гудаута в недавнее время основан монастырь, названный Ново-Афонским; от него несколько далее в горах находится древний храм, в котором по временам служат монахи. Капитан Чайковский говорил мне с большими похвалами об этом монастыре, о его настоятеле, о живописных видах местности – и предложил мне посетить вместе с ним обитель. Но, к сожалению, это нам не удалось: мы пришли в Гудаут ночью; не было возможности остановить пароход до света. Один из монахов приехал на пароход на лодке с поручением от настоятеля передать мне икону, просфору и некоторые вещицы, работы монахов.

Утром 8-го числа мы остановились у Сухума. Здесь пароход должен был простоять часа три. Я воспользовался этим временем, чтобы съехать на берег и обойти знакомые мне места, посещенные мною в последний раз в 1860 году, когда начальником Сухумского округа был генерал Лорис-Меликов (теперешний граф). С парохода Сухум показался мне отстроившимся после понесенного им в последнюю войну разгрома от турок: на берегу видно несколько чистеньких домов, большая казарма, в глубине – красивая, византийской архитектуры церковь; но когда я вышел на берег и начал бродить по пустынным улицам (в прежнее время совершенно застроенными), то очутился среди развалин и пепелищ. Особенно грустно было мне увидеть городской сад, где в прежние времена приезжие любовались прекрасными деревьями и великолепною шпалерою из роз; теперь же лучшие деревья срублены; сад совершенно заглох. Не скоро Сухум восстановится в прежнем виде; да едва ли даже и возникнет здесь

когда-либо порядочный городок: Абхазия покинута большею частью прежнего своего населения; новые поселенцы приходят неохотно в эту страну, считающуюся лихорадочною; торговли быть не может, пока не будет проложена предполагавшаяся в прежние времена дорога чрез Кавказский хребет на северную его сторону, а теперь об этой дороге и речи нет. Ехавший со мною из Сухума до Очемчир инженер путей сообщения сказывал мне, что ему поручено разработать только выючную тропу. В довершение всего, и прежнее особое управление этого края, называвшегося до сих пор Сухумским отделом, теперь упразднено; край этот вошел в состав Кутаисской губернии; стало быть, Сухум уже потерял и последнее значение – пункта административного. В городе не заметно никакой жизни; это как будто кладбище, забытое живыми.

Продолжая путь от Сухума к Поті, пароход останавливался только у Очемчир, и за час до захождения солнца мы были у Поті.

Дневник... Д.А. Милютин: 1882–1890. М., 2010. С. 108–109.

ИЗ ДНЕВНИКА ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА

3 янв. 1928 года

...Вечером мы прибыли в Сухум, но остановились на некотором отдалении от берега. В темноте огоньки сияли над водой, и город выглядел очень привлекательно. Было облачно, дул холодный бриз, но воздух был мягким.

4 янв. 1928 года

Утром море было спокойным; я прогуливался по палубе и наблюдал, как из воды выпрыгивают дельфины и рыбы, похожие на осетров. Пароход шел на запад. Прорвавшееся сквозь тучи солнце осветило море на севере, но юг и восток оставались мрачны и унылы. Сотнями пролетали дикие утки, лысухи и ггары – столько птиц я никогда не видел. Становилось теплее и тише. В 12 часов мы прибыли в Гагру, который считается самым

красивым из кавказских курортов. Сразу за городком возвышаются горы. Гагра состоит из множества прекрасных крупных зданий, большинство из которых, несомненно, являются санаториями, гостиницами и банями. Мы не причаливали к берегу, разгрузка судна проходила с помощью небольших шлюпок.

Драйзер Т., Кеннел Р. Русский дневник : путешествие классика американской литературы по СССР: из личного архива / Пер. с англ. Е. Кручиной. – М: Эксмо, 2018. – С. 177.

ИЗ ДНЕВНИКА СЕРГЕЯ ПИОНТКОВСКОГО¹

9 сентября 1930 г.

Из Баку перекинулся прямо в Абхазию. Вот уж замечательная страна, прямо Мексика. НЭП в полном разгаре. В Сочи почти ничего нельзя достать, а в Абхазии, в Гаграх, Гудаутах, Сухуме персики чуть не 10 коп. кило, вина, хоть купайся. Кругом рестораны, открыты магазины и лавка, одним словом – все, что хочешь. И страна солнечная, знойная. Абхазцы, как и мексиканцы, все с оружием, признают только Абхазию и больше ничего. Сухум знаменит персиками и обезьянами. Обезьяны прославили Сухум на весь мир. Там их разводят в специальных питомниках. Таболкин² рассказывал, смеясь, показывая мне питомник, что даже из Франции прислали письмо господину президенту Абхазской республики. А президент этот потом, ехидно подсмеивался Таболкин, целый вечер таскался по всем духанам Сухума, показывал письмо «его превосходительству президенту Абхазской республики».

Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. – Казань: Казан, гос. ун-т, 2009. – С. 355.

¹ Сергей Андреевич Пионтковский (1891–1937) – советский историк.

² Таболкин Яков Андреевич (1870–1942) – один из основателей Сухумского обезьяньего питомника.

ИЗ ПИСЕМ ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА¹ ИВАНУ СОЛЛЕРТИНСКОМУ²

3 VII 1929. Севастополь

В пятницу 5 VII думаю уехать в Сухум, а оттуда в Гудауты.

Если вздумаешь дать о себе весточку, то пиши мне по следующему адресу.

Абхазия. Гудауты. Гоголевская ул. Дом Оболонкина. Мне.

8 VII 1929. Гудауты

Дорогой Иван Иванович. Сегодня я приехал в Гудауты, о чем извещаю тебя на предмет информации: вдруг ты вздумаешь написать мне письмо, так будешь знать куда. В Севастополе я пробыл 2 дня. На 3-й день утром выехал в Сухум. Билет от Севастополя до Сухума стоит 26 руб. Очень дешево. Это цена 1-го класса. Весьма комфортабельная каюта, шахматы, радио и прочие культурные развлечения.

В Сухуме видел обезьяний питомник. В Гудаутах никаких достопримечательностей, кроме моря, солнца и гор. Чудное место. Народу тут совсем нету. Совсем пустой чудный пляж. Сейчас я наслаждаюсь покоем. Никуда не надо ехать. Если вздумаешь куда ехать, езжай в Гудауты. Телеграфируй мне, я подыщу тебе комнату. Я был бы этому ужасно рад. Назад бы вместе поехали.

Р. С. Абхазия. Гудауты. До востребования. (Дом Оболонкина и пр. писать не надо, т.к. почту по домам не разносят. За письмами надо ходить на почту).

18 VII 1929. Гудауты

Живу я хорошо. Много работаю. И несмотря на это отдыхаю. Сильно загорел (сравнительно. Ко мне загар плохо пристает).купаюсь. Научился плавать. Сбрил под нулевой номер голову, отчего вид у меня каторжный. Было одно занятное приключение на эротической почве, но в общем все гладко. Вкушаю покой. Через день принимаю хину от малярии. Это в виде профилактики советовали мне сведущие люди. 28 числа я уезжаю отсюда.

¹ Композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович в 1929–1931 гг. каждый год приезжал отдыхать в Гудауту, где проживали его знакомые – семья Оболонкиных (у них там был свой дом, располагавшийся на улице Гоголя, ныне ул. Барциц).

² Иван Иванович Соллертинский (1902–1944) – советский музыковед, театральный и музыкальный критик.

19 VII 1930. Одесса

Я довольно беспокойный человек. Поэтому прошу тебя, если тебе не будет лень послать мне телеграмму, в которой сообщи мне, получил ли ты деньги, которые я тебе выслал по адресу: «Абхазия, Гудауты, до востребования». Дело в том, что я от тебя получил еще в Ленинграде открытку, в которой ты ни слова не упоминаешь о деньгах. Я и забеспокоился.

Напиши мне, как долго ты намерен пробыть в Гудаутах. Если мне удастся скоро закончить свои дела в Одессе, то я бы махнул в Гудауты. Там бы встретились, покалякали, вспомнили б старину – глядишь, и время прошло.

26 VII 1930. Одесса

(Письмо с адресом получателя: «Абхазия. Гудауты. Почтовый ящик № 29. М. Н. Оболонкиной для И. И. Соллертинского».)

Дорогой Иван Иванович. Весьма обрадовал ты меня своим письмом из Гудаут. Мне его переслала сюда мама.

Радлов был у меня сегодня. Сообщил, что едет в Новый Афон. Я попросил его передать тебе привет, если он тебя встретит.

Как долго ты намерен жить в Абхазии? Напиши.

2 VIII 1930. [Одесса]

(Письмо с адресом получателя: «Абхазия. Гудауты. Почтовый ящик № 29. М.Н. Оболонкиной для И.И. Соллертинского».)

Прочел с удовольствием о Гудаутском трамъядре [«Гудаутское трамъядро» – региональное объединение ТРАМов в Гудаутах]. Но все же это заставляет меня настораживаться: не мимикрия ли это классового врага. Социальный состав гудаутского трамъядра заставляет желать много лучшего. Не аптекари и не бывшие попы создадут наше пролетарское искусство, а только пролетарские артисты.

16 VIII 1930. Гудауты

Дорогой Иван Иванович. Неожиданно я попал в то место, где ты проводил свой медовый месяц. Как я сюда попал, это не столь тайна, сколь авантюрный роман. Ты здесь проводил медовый месяц, я же сюда удрал от медового месяца. При сем письме прилагаю начало моего предыдущего письма, которое кое-что

тебе объяснит. Короче говоря, я чуть-чуть не женился на б<...>. К этому меня побуждали 2 обстоятельства: 1) миловидная наружность и приятность... и 2) раскольничьи настроения (от слова Раскольников, герой «Преступления и наказания»). Все это кончилось бегством с парохода на станции Сухум в 3 часа ночи, под проливным дождем. А в Одессе дело дошло до загса, и не забудь я в гостинице свои документы, быть бы мне супругом. Прошу тебя только об этом никому, в том числе и Гауку, не рассказывать. Мещанин был лишь отчасти в курсе моих походов. О загсе и брачных намерениях он ничего не знал и не знает. В Сухуме я с 3-х ч. до 8 ч. провел на свежем воздухе, под проливным дождем. Все гостиницы были переполнены. Утром я сел в автобус и прибыл к Оболенкиной. Живу я в той комнате, которую до меня занимала актриса Самарина. <...> Чувствую себя прекрасно. Единственная неприятность, это укус осой <...> моей ягодицы. Пережил и переживаю стоически. Люди здесь живут «культурные», общение с ними не доставляет мне никакого удовольствия и огорчения. Что с гуся вода. <...> Как твои семейные дела? Вот урок тебе: не женись. Вот я холост и несмотря на это доволен. <...> Возвратившись в Ленинград, расскажу подробнее Одесские похождения.

Р. С. Я здесь еще пробуду. Напиши по адресу: Абхазия, Гудауты, почт, ящик № 29, Оболенкиной, для меня. Д. Ш.

27 IX 1931. Одесса

Дорогой Иван Иванович. Теперь, когда через 2 часа отходит теплоход «Крым», на котором я еду в Сухум, а оттуда в Гудауты, можно подвести итог моему 3-дневному пребыванию в Одессе.

1 X. 1931. Гудауты

(Заказное письмо с ленинградским адресом Соллертинского и адресом отправителя: «Гудауты. Почтовый ящик 29. Шостакович».)

Дорогой Иван Иванович. Сегодня я приехал в Гудауты. Все на месте. Плохо только то, что здесь холодец. Идут дожди и дуют. Купил сегодня газету «Заря Востока» (Тифлисская) и нашел там объявление, что состоится лекция И. И. Ледагоров «Наш музыкальный фронт». В Москве Ледагоров, а в Тифлисе Ледагоров. Вырезку при сем прилагаю. Был я здесь в киоске «Союзпечати»,

с радостью обнаружил соответствующие номера «Говорит Москва». Следовательно числа 18 я приобрету следующий номер и тебе не придется таковой высылать. Почти убежден, что мне здесь будет скучно. У Оболонкиных кроме меня только двое. Оба из Москвы. Один инженер, другой пожилая дама. Вчера в Сухуме я сбрил свои, некоторое количество глаженные прелестными дамскими ручками волосы. Морда у меня из-за этого обстоятельства, форменное бордо. Липатов говорит, что я стал похож на Ганди. При взгляде в зеркало меня охватывает ужас, переходящий в сильное омерзение. И ведь расти будут не меньше 4-х месяцев. Из этого заключаю, что волосы красят не только женщин, но и мужчин, если таковым я могу себя считать. Мария Никодимовна, увидев меня, всплеснула руками и весело засмеявшись сказала: «Какие вы смешные без волос». Василию Григорьевичу я передал твой привет. Он просил весьма благодарить. Арнольд сейчас находится в Сухуме. «Прожигает жизнь», как выразился В.Г. Папирос здесь нету. Придется бросать курить.

В Сухуме провели один день. Недурно, но дороговизна на все припасы потрясающая. Раза в два дороже, чем в «Европейке».

7 X 1931. Гудауты

Дорогой Иван Иванович. Спасибо тебе большое за твое письмо. Будучи здесь в уединении, весьма порадовался твоему известию. С поездкой мне не повезло. Лишь один день, в Сухуме, 30-го сентября, светило солнце и было тепло. Сейчас почти все время дожди и холодно. Схватил я здоровенный насморк, который начиная с сегодняшнего дня стал проходить. Время проходит скучно. В те счастливые минуты, когда перестает лить дождь, играю в волейбол. Иногда сочиняю. Кончил 2-ю картину оперы. Оболонкина кормит хорошо. Живу я у них в доме. Сортир еще более засран, нежели в доме Шкраба, в котором и ты жил. Обстоятельство, достойное удивления.

Бодрую зарядку мне дало известие, что в Абхазии организуется АБАПМ [АБАПМ – Абхазская ассоциация пролетарских музыкантов], о чем сообщает прилагаемая при сем статья тов. Ковача.

Собирался я переехать в Новый Афон, где дружина Липатов достал мне комнату в Доме отдыха, но раздумал. До 1-го ноября буду жить в Гудаутах. Вид у меня без волос пасквильный.

Журнал «Говорит Москва» получается здесь аккуратно, и не только он, а даже славная «Литературная газета», имеющая столь большие заслуги в области перевода попутчиков на рельсы союзничества. Читаю этот орган аккуратно. Бесперывные дожди и сидение в комнате приводят меня к мировоззрению созерцательно-лирическому. <...> Вчера приезжал в Гудауты Липатов. Было несколько веселее. Уехал. Опять скучно. Дождя сейчас нету, но вот-вот польет. Хочу отсюда поехать в Тифлис. Говорят, что там жарко. Если хватит денег, поеду. Возможно, что Липатов переедет из Афона сюда. Абхазия по-абхазски называется Псху [ошибка, правильно: Апсны – А. Д.].

14 X 1931. Гудауты

Здесь член коллегии защитников весьма оригинально украл у меня часы. В связи с этим подал заявление в местный угрозыск. Каким образом таковые были украдены, сообщу по возвращении в Ленинград.

Пиши по адресу Гудауты. Почт, ящик № 29. Так лучше, нежели до востребования.

14 X 1931. Гудауты

С нетерпением все же буду ждать прибытия в Гудауты «чтива». На всякий случай ты вышли мне следующий номер «Говорит Москва». Здесь его еще нету. Газета от 11-го октября уже есть, а журнала нету. Может быть и не придет. Так что с получением сего вышли вырезки.

Здесь стоит роскошная погода. Купаюсь и лежу на солнце каждый день по несколько часов. Несколько огорчает меня то обстоятельство, что член коллегии защитников гр. Картози украл мои часы. А так все обстоит благополучно.

Ездил недавно в Новый Афон. Место исключительной красоты. Видел там отдыхающих Липатова и Куйбышева. Жить там не стал бы, хотя собирался. Очень высоко от моря и утомительно подниматься после купанья.

19 X 1931. Гудауты

В связи с тем, что у меня украл часы член коллегии защитников гр. Картозия, знакомлюсь с работой местного угрозыска.

Нечетко работает. 6-го октября были украдены часы и посейчас они не у меня. Угрозыск передал все дело в суд. Ничего себе удовольствие. Поехал «в отпуск», а вместо этого целыми днями сижу то у начальника милиции, то у нач. угрозыска, то в Новоафонском Г. П. У., начальник которого весьма мил и отнесся ко мне с большим участием. Однако часов до сих пор нету – и не видать мне их как своих ушей. Такое уж у меня предчувствие. Уезжать думаю отсюда 1-го ноября, если до этого срока придут деньги.

Чудный здесь октябрь месяц стоит. Совсем даже на октябрь не похож. Жарко. Солнце и т. п.

Страшная стоит здесь дороговизна на спиртные припасы. Бутылка водки 8 (восемь!) рублей. За мое здесь пребывание выпито две бутылки с посильной помощью маститого В.Г. Оболонкина.

25 X 1931. Гудауты

Дорогой Иван Иванович. Завтра я уезжаю из Гудаут в Сухум. В таком пробуду 3 дня и еду в Батум, в каком надеюсь получить весточку от тебя. Еду я вместе с Борисом Александровичем (фамилия его утрачена). Это молодой человек с весьма пошлой физиономией. Меня знает как автора музыки к «Новому Вавилону» (sic!). До Батума он попутчик. А дальше не знаю. В Батуме проживу дней 5, а потом на родину жены Вл. Вл. Дмитриева. Затем домой. От Гудаут и от Оболонкиных у меня осталось на этот раз пренеприятное впечатление (кража моих часов). Больше я сюда ни ногой. Мария Никодимовна стерва. Арнольд пошел и глуп необыкновенно, Вас. Григ, мелкий жулик (взял с меня за прописку 3 рубля, когда по закону он должен за прописку платить сам и не 3, а 2 рубля). Меня все это возмущает. Придумал я каламбуршараду. Как сказать иначе: «Как!? Выпускающий воздух. Рев. С Неви», чтобы получился руководящий товарищ. Подумай и к моему приезду отгадай. Погода понемногу портится. Дожди и холодец вечерами и ночью. Во время сна зуб на зуб не попадает и кровь стынет в жилах. Мечтаю посмотреть «Условно убитого», если таковой доживет до моего возвращения³. Кланяйся Гауку, Гердт и прочим. Кильчевскому не кланяйся в буквальном смысле.

Твой Д. Шостакович.

28 X 1931. Батум

Дорогой Иван Иванович.

Пишу тебе главным образом по той причине, что мне хочется общаться с тобой хотя бы по почте. Не могу сказать, чтоб мое путешествие по Кавказу было чревато хорошими знакомствами.

Нет. Народец серенький, ничего выдающегося, если не считать молодого человека, работающего в Ленинграде в качестве коменданта всех рынков смольнинского района. Главная его достопримечательность это то, что он выдает себя за большого любителя выпить, но после 3-й рюмки пьянеет окончательно, затем лапает всех женщин без различия возраста и красоты (например М. Н. Оболонкину) и затем засыпает. Проснувшись, сразу опять пьет и, как мне показалось, сильно страдает от этого.

Удовольствия от выпивки он не получает, но ему приятно, что все окружающие принимают его за пьяницу и прожигателя жизни. С ним встретился я в Гудаутах. Из Гудаут до Батума ехал на пароходе «Пестель». Там было лишь одно событие, достойное внимания РАПМа. Красноармейцы все время пели небезызвестную песню гр. Хайта «Все выше, выше и вы-ы-ше».

11 I 1939. Ленинград

Получил твою телеграмму из Гудаут. Как-то ты там провел время. Жива ли изобретательница новой нотной системы? Уже старушкой она была.

Шостакович Дмитрий Дмитриевич. Письма И.И. Соллертинскому / Публ. и подгот. ил. Д.И. Соллертинского. – СПб.: Композитор - Санкт-Петербург, 2006. – С. 39–41, 45, 62–65, 68, 72–73, 79, 82–83, 86–87, 89–91, 93–96, 211.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛАЗАРЯ БРОНТМАНА¹

14 октября [1942 г.]

Любопытно получилось с Сухумом. Месяц назад он едва не был захвачен с налета. Два горных полка немцев, прошедшие специальную годичную тренировку, не бывшие в боях (их предназначали в Югославию, но они туда опоздали), состоящие из отборных молодых спортсменов, подошли с севера к Главному хребту. Два местных старика проводника провели их к Клухорскому перевалу (высота 2820 м), а затем скрытыми тропами по высотам – к Сухуму. Шли они так умело, что несколько дней не встречали никого. Шли с артиллерией, минометами. Был разработан точный график, рационы. Но – гладко было на бумаге, да забыли об овраге...

И вот в 32 км от Сухуми они заметили впереди большое кирпичное здание. Решили, что это – казарма. Затаились, дождались темноты, послали разведку. Она выяснила, что там пусто. Но день пропал, и он решил все. Утром немцы, решив, что все равно много времени потеряно, решили подождать свою отставшую артиллерию. И все! Их накрыли – осталось мокрое место!

Бронтман Л.К. Военный дневник корреспондента «Правды». Встречи. События. Судьбы. 1942–1945. М.: Центрполиграф, 2007. С. 67.

Материалы рубрики подготовил А.Я. Дбар

¹ Лазарь Константинович Бронтман (1905–1953) – журналист, корреспондент газеты «Правда».

Александр Френкель¹

ОЧЕРКИ ЧУРУК-СУ И БАТУМА

(Фрагмент)

Говоря о жертвах войны нельзя пройти молчанием абхазцев, которых мы застали в Батуме.

Абхазцы – это одна из больных мест Батума. Куда бы вы не пошли, везде можете встретить тощие и голодные фигуры этих несчастных людей, которые – вследствие нашей оплошности в Сухуме – были увезены турками сюда для того, чтобы потом бросить их на произвол судьбы!

Действительно, положение абхазцев было решительно безвыходное: ни хлеба, ни работы, ни денег, ни приюта! Словом, предстояла голодная смерть сотням людей, страдавшим за чужие промахи! Надо отдать полную справедливость начальнику области К.В. Комарову, который принял в них самое живое участие, дал им кой-какую работу, и главное, взял на себя заботу ходатайствовать о разрешении вернуться им на родину.

На сколько должны быть сильны аргументы, которые следовало привести генералом Комаровым в пользу бедных абхазцев, это видно из того; что раз навсегда решено было не допускать возвращение в Сухум тех из жителей этого Отдела, которые переселились в последнюю войну в Турцию.

Френкель А. Очерки Чурук-су и Батума. – Тифлис, 1879. – С. 81.

¹ Александр Самойлович Френкель – юрист, присяжный поверенный, издатель Кавказского обозрения, секретарь Кавказского Юридического общества.

ПО БЕРЕГАМ ЧЕРНОГО МОРЯ: ИЗ ПИСЕМ К ПОДРУГЕ

4 мая. Между Батумом и Сухум-Кале.

<...> Я еще не рассказывала тебе, что в Батуме село к нам много новых пассажиров. Целая семья какого-то полковника Сельцева с двумя взрослыми дочерьми, с мальчуганом лет десяти, как видно, ужасным шалуном, и маленькой прелестной девочкой. Потом какая-то гурийская княжна или княгиня, в престранном костюме, с множеством мелких кос, распущенных из-под напутанного на голове, наподобие чалмы, вуаля, и с нею брат ее, очень высокий, стройный гуриец в длинной чохе и шитой золотом папанокке на таких пышно-курчавых волосах, что, кажется, будто бы у него надета мохнатая папаха. При них еще маленькая девочка абхазка, круглая сиротка, которую они подобрали на улице. История этой девочки такая трагическая, что я должна тебе ее рассказать.

Видишь ли, вчера, после обеда, нам предложили знакомые посмотреть сад при доме начальника Батумской области. Сад этот не велик, но замечателен чуть не тропическою растительностью, а ты знаешь, какая мама охотница до цветов.

Вот мы и отправились полюбоваться двухаршинными кактусами, саженными кущами аорумов, магнолиями и камелиями, которые здесь свободно зимуют в грунту.. Туда же пришли и эти гурийцы. Знакомая нам дама указала на них, как на будущих наших спутников, и рассказала, что эта хорошенькая семилетняя девочка с испуганными черными глазками и тоже одетая, словно костюмированная куколка, в яркий гурийский костюм, одна спасена от смерти из числа очень большой семьи. Во время последней нашей войны с турками разорилось и погибло много абхазских семей, даже княжеских и богатых родов. Когда турецкая эскадра подошла к абхазским берегам и начала бомбардировать Сухум, то всеми прибрежными жителями овладела паника. Все, кто мог, бросились бежать вовнутрь страны, вслед за русскими отступавшими войсками. Другим пришлось поневоле сдаться туркам, чтобы не быть замученными. Семья маленькой

¹ Вера Петровна Желиховская (1835–1896) – русская писательница.

Мириям, – человек двадцать, даже более их было тогда, – тоже бросилась в горы. Но недалеко они ушли. Когда они подошли к реке Кодору, то мост на ней оказался сожженным. Идти далее за русскими было невозможно... Несчастные абхазцы целый месяц проскитались по лесам и горам, прячась от неприятеля. Боясь варить себе пищу, чтобы дым костра не привлек внимания на их убежище, они, истощив захваченные с собою запасы, питались ягодами и дикими плодами. Наконец старший в семье, дед Мариямы, решил идти к туркам и сдаться в плен. Они уже потеряли нескольких человек своих: двое детей у них исчезли бесследно в лесных дебрях, старая бабушка умерла от истощения сил, а взрослый сын утонул, пытаясь переплыть Кодор. Вернулись они в свою родную деревню между Сухумом и Гудаутом, страшно бедствовали и голодали до того, что ели падаль, выбрасываемую турками из сожженного ими города. Старика деда турки допрашивали о дорогах, о русских войсках, посылали его на разведки, и когда он отказывался служить им шпионом, потому что был христианином и только из крайности сдался врагам России, то они его пытали. Старик не вынес истязаний и умер. Тогда семья окончательно распалась и разбрелась. Двое дядей Мириамы ушли и, вероятно, были убиты, а отец ее совсем перешел к туркам. Когда, по заключении мира, абхазцы, боясь наказания за свою невольную измену, тысячами начали переселяться в Турцию, он забрал свою жену и детей и поплыл в кочерме, думая, что навсегда оставляет Россию, переселяясь к новым своим соотечественникам... Да не так-то стало! Новое отечество оказалось очень негостеприимно. Несчастные переселенцы из Абхазии, Гурии и вновь покоренного Лазистана (это за Батумом, страна, прежде принадлежавшая тоже Грузии, так что там все почти отуреченные грузины, бывшие христиане) мерли с голоду, как мухи. Ни земли, ни продовольствия им не давали, и они, как дикие звери, перезимовали под открытым небом, питаясь подаванием, кореньями и травами. Не прошло и году, как все начали проситься обратно в Россию. Но в то время русское правительство, заботясь о скорейшем устройстве разоренной войною Абхазии, уже распорядилось их бывшими землями, отдало их новым поселенцам. Несчастных отказывалась вновь принять Россия, за неимением для них места в их родной земле, куда

они все теперь стремились. Некоторые, опомнившиеся раньше, успели, однако, возвратиться, и хотя тоже страшно бедствовали и сотнями умирали от холоду и голоду – и в море и на родных местах, выжженных турками, где им опять пришлось зимовать без крова, но все-таки в течение следующего года кое-как устроились, если не на прежней земле, то хоть поблизости от родных своих пепелищ. Другие же, более упорные или более совестливые, как отец Мириямы, терпели до последней крайности, а когда решились тоже вернуться, то оказалось, что обратных переселенцев окончательно запрещено принимать на кавказские берега... Многие, однако, прорывались обратно обманом, переплывая границу в крошечных лодчонках, скрываясь, и лесными тропинками, один по одному, достигая своей родины очень часто только затем, чтобы умереть на родной земле. Все наши порты, все берега были постоянно переполнены нищими абхазцами, полуголыми, изморенными болезнями и голодом. Правительству, наконец, пришлось прибегнуть к мерам строгости. Так как Турция не препятствовала, но, напротив, даже способствовала этим обратным переселениям своих единоверцев, которых сама же погубила, переманив в свое подданство, то начальникам всех наших портов было приказано не допускать кочермам, фелукам и далее маленьким каикам высаживать пассажиров из Турции на русские берега.

Вот в это-то неблагоприятное время отец Мириямы и решился окончательно вернуться. Их оставалось всего четверо: он с женой да две дочери, двенадцати лет и шести. Вся остальная семья перемерла. Собралось их человек до двухсот. Собрав последние гроши, наняли они кочерму, чтобы она довезла их до Сухума, но негодяй хозяин кочермы, грек, обманул их. Доплыв до Батума, он объявил им, что в кочерме его повреждение, что он не рассчитал, подняв такой тяжелый груз, что дальше плыть невозможно... К пристани их не пустили. Несчастливая кочерма, со своими двумя сотнями голодных, оборванных, измученных пассажиров, три дня качалась в виду города – без помощи, без пищи, без воды!.. Наконец, раздававшиеся на ней стоны и крики, а более всего страшный запах, который доносился с нее на другие суда, обратили на себя внимание. Послана была комиссия освидетельствовать, точно ли она не может без починки

уйти в море? Что на этой кочерме нашли – страшно подумать!.. Представь себе, на ней уже было несколько человек мертвых. Да! И мертвецы, и умиравшие, и еще здоровые, – все это лежало и сидело вповалку, друг на друге, потому что судно едва могло вмещать пятьдесят человек, а подняло двести. Все это копошилось, еле ползая, в страшной нечистоте, скопившейся на дне кочермы; больные бредили в предсмертных мучениях; другие стояли, моля о хлебе, о капле воды; дети, несчастные младенцы, кричали или обессиленные задыхались у груди бесчувственных от голоду матерей!.. Боже праведный! Бывают же такие ужасы на свете!.. Я бы не поверила, если б нам не рассказывал этого в Батуме один из бывших в числе комиссии на кочерме «Агиос-Петрос» (святой Петр), – так называли ее. Она, действительно, оказалась поврежденной; в ней была течь.

Начальство смилостивилось над погибавшими. Их высадили на землю и позволили расположиться временно в той разрушенной части города, которую покинули турки. Все жители сжалились над ними: им нанесли хлеба, денег, кто что мог. Им выдали продовольствие из полиции, по распоряжению губернатора, и, кроме того, в их пользу частные люди сделали сборы, подписки. Вероятно, месяц, проведенный этими несчастными на улицах Батума, показался земным раем в сравнении с прежними страданиями. Хотя погода была дождливая, но ведь это было летом, а эти бедняки привычны были обходиться без крова.

Но не думай, что этим кончились страдания этих несчастных жертв войны: ведь их не совсем приняли на русскую землю, им только позволили переждать, пока кочерма будет починена...

Через несколько времени ее поправили. Было сделано распоряжение о немедленной высылке всех этих турецких подданных назад, в Турцию. Что это была за картина смятения и ужаса, когда абхазцев сгоняли к берегу и силой сажали на ту же кочерму – я не берусь описывать! Я уши затыкала себе, когда очевидцы рассказывали нам об этих душу раздирающих сценах отчаяния. Довольно сказать тебе, что мужчины, военные люди, уходили и запирались в домах поплотнее, чтобы не слышать криков и воплей детей и женщин, которыми нагружали кочерму, как баранами, обреченными на убой, да они и были, действительно, обречены смерти. Хозяин ветхой «Агиос-Петрос» открыто заяв-

лял, что она не довезет их до Самсуна, первого турецкого порта, а если бы и довезла, то их не примут на берег турецкие власти, как бродяг, отказавшихся от подданства Порты. Этот грек волосы на себе рвал за то, что пожадничал, набрав столько народу с платой за проезд, а теперь должен везти их даром, потеряв столько времени и не зная, как развязаться с ними. Правда, что из двухсот человек оставалось не более полутора, остальные или перемерли, или, пользуясь случаем, ушли в горы, но все-таки приходилось грузить их, словно тюки, одного на другого. Тем не менее, в назначенный час, большой казенный пароход взял их на буксир и, в сопровождении лодки с береговой стражей, несчастная кочерма поплыла прочь от русской границы, сама не ведая, куда плывет она...

Тяжко, я думаю, было батумцам смотреть, как сотни ни в чем неповинных людей удалялись в безбрежную морскую даль, почти на верную гибель; но нечего было делать! Буксирный пароход вытянул их за черту русских вод; лодка еще постояла там, чтобы убедиться, что кочерма удалась от наших берегов, и затем вернулась, исполнив свою обязанность.

Что ж, ты думаешь, сделал шкипер кочермы?.. Как только живой груз ее остался в его распоряжении, он направил судно к берегу, на самом рубеже владений турецких и русских, и силой, угрожая беспощадно затопить их всех в море, принудил переселенцев высадиться на узкой береговой песчаной полоске, откуда не было ни хода ни выхода: с одной стороны, волны хлестали по ней, с другой – ее загораживали неприступные скалы. Высадив, таким образом, абхазцев на голодную смерть или, вернее, заживо похоронив их, негодяй шкипер уплыл себе на всех парусах, обрадовавшись, что разделался с неудобными пассажирами.

Пока береговая стража заметила толпу людей на пустынном берегу, пока дала знать властям, пока из Батума в Тифлис шли телеграммы об этом страшном злодействе и ожидалось приказания на запросы: что делать? чем помочь? спасать ли, или дать погибнуть ста пятидесяти душам? – прошло дня три. В это время чуть не треть несчастных успела перемереть, валяясь без воды и пищи, днем и ночью заливаемая брызгами и морскою пеной. Мать и отец Мириамы были в числе погибших. Мать ее, уже почти умирающую от горячки или тифа, стащили на кочерму и там

она умерла; отец же их доконал себя голодом, припрятывая детям каждую щепотку хлеба, данного им, из милосердия, батумцами.

Наконец пришло позволение – принять несчастных на русский берег. Приказано было послать за ними пароход и оказать им необходимую помощь в Батуме, а оттуда отправить в Абхазию.

Многие говорили нам, Варенька, что когда пришла эта телеграмма из Тифлиса, то по всему городу была радость, как в Светлый праздник. Пароход, нагруженный хлебом и водой, в тот же час отправился, и все жители высыпали на пристань, каждый с посильной помощью несчастным. «Для всех нас будто бы Светлое Христово Воскресение наступило, – рассказывала нам одна дама, – все мы мучились страхом и жалостью за них в эти ужасные дни; что же должны были чувствовать они сами?!»

Да! Надо думать, что уцелевшим беднякам тогда свободно вздохнулось!.. Быть может, известие, приведенное им русским пароходом, во многих измученных больных удержало душу, готовую расстаться с телом... Говорят, что многие из них, напуганные морскими бедствиями, не захотели уже даже возвращаться на родину в Абхазию, а разбрелись из Батума, куда глаза глядели, прежде, нежели правительство указало им места на сухумском берегу. Обе несчастные сиротки, Мирияма и сестра ее, были из числа последних. Как только отдано было им всем приказание собираться снова на пароход, старшая девочка, не помня себя от страха, схватила сестренку за руку и потащила ее с собою в кусты, подальше от общей стоянки. Прячась от встречных, голодные, еле прикрытые лохмотьями, чуть живые, брели они по горным тропинкам, только и думая о том, как бы уйти подальше от ужасного моря!.. На третий день пути, старшая сестра свалилась с ног и далее идти не могла. Маленькая Мирияма поила ее водой из лопуха, кормила ягодами ежевики, которые собирала тут же, на речке, а когда сестра впала в беспамятство, она села возле нее и горько плакала, не зная, что ей делать. Удивительно, как сама она уцелела, как не заразилась болезнью умиравшей сестры, как выдержала голод, питаясь несколько дней одними дикими ягодами!.. В одно утро девочка, проснувшись на заре и окликнув сестру, увидела, что та раскинулась на траве неподвижно и больше

не дышала... Мирияма уже несколько часов, быть может, спала рядом с трупом сестры!..

Она видала мать свою, отца и многих близких в таком состоянии, а потому тотчас же поняла, что сделалось с сестрой... В ужасе от своего беспомощного одиночества, она прошла еще, громко крича и плача, несколько шагов по каменистой дороге и, обессиленная, упала на землю...

Бедняжка, разумеется, умерла бы и сама, если бы счастливый случай не привел на эту тропинку нескольких всадников. Они ехали откуда-то из гор, вниз по реке Чороху, и наткнулись на полумертвого ребенка, а в нескольких шагах и на труп другой девочки. Умершую зарыли, а маленькую Мириям взял к себе один из всадников, – вот этот самый высокий гурийский князь, что едет с нами. Сестра его такая, кажется, добрая и так полюбила бедную сиротку, что, даст Бог, она будет теперь счастлива. Но какое мучение с ней было вчера, когда ее надо было сажать на лодку и потом на пароход! Как ее ни убеждали, как ни упрасивали, она руками и ногами цеплялась за землю, так что сам князь внес ее, чуть не в конвульсиях, на палубу. Ее уложили в первом классе на диван, и там она пролежала несколько часов, зажмурившись от страха, пока не заснула. Сегодня утром ее одели (она, очевидно, не видя моря, не подозревала, где она находится) и попробовали было вывести наверх. Но едва она ступила на палубу, как побледнела, вся затряслась и, как помешанная, бросилась к княгине. Надо было ее свести снова в каюты. Там она немного «отошла», что называется. Но все-таки глядит на всех со страхом, исподлобья, как пойманный волчонок.

Боже мой! Я и не заметила, какое огромное послание настрочила тебе. Боюсь, что если буду так продолжать, то всех моих капиталов не хватит на почтовые марки!..

Теперь прощай, милая! Вот уж и Сухум виден издали. Скоро подойдем и отправимся на берег погулять и покататься. Надо опять пойти попробовать уговорить Маргариту Васильевну восстать с одра. Авось, она восстанет, узнав, что твердая земля близко...

Твоя Нина.

III

Феодосия, 5 мая вечером.

Ну-с, милая моя Баболечка, набралась я с три короба новых впечатлений, вернулась сейчас с берега и сажусь делиться с тобой, бедная моя домоседка, своим запасом. И при какой еще обстановке сажусь писать! Ты бы, хохотунья и охотница до новых знакомств, никогда не могла сидеть смирно, с пером в руках, среди такой обстановки.

Представь себе огромную, низенькую залу, в которой стоят три длинных стола, кругом – бархатные диваны, зеркала, бронза, яркий свет ламп, пианино, мраморный буфет, возле которого суетятся лакеи; предо мною – множество народу, новых пассажиров: военных, статских, моряков, нарядных дам, шумливых детей; за спиной у меня раздаются в поднятые люки вечный прибой волн, словно неумолкаемый шум водопада, сливаясь с общим говором и смехом. Это наша кают-компания первого класса. И среди этой веселой, пестрой обстановки, (которой ты, бедняжка, я знаю, будешь крепко завидовать!) сижу я в уголке и строчу тебе свой дневник...

Мы чуть не целый день стоим в Феодосии, у самой пристани: все ждали парохода с грузом и пассажирами из Керчи с Азовского моря. Теперь дождались и принимают груз, которому, кажется, конца не будет. Так надоел этот шум на палубе, стук и будто скрежет подъемной цепи, эти вечные восклицания матросов-приемщиков из глубины темного трюма и с лодок у парового трапа: «майна» и «вира», то есть де «подавай» и «подымай блок», что у меня голова непременно заболела бы от всего этого, если бы она имела привычку когда-нибудь болеть.

Во избежание всего этого гама и шума, я ушла вниз, чтобы написать тебе. Но постой, все по порядку! Вчера я бросила письмо, когда мы подходили к Сухум-Кале...

Если Батум оставляет грустное впечатление своими полуразрушенными зданиями, то Сухум еще более, – особенно на тех, кто видал его до войны. Мама с Маргаритой Васильевной чуть не плакали, сокрушаясь над развалинами стен и остовами сожженных зданий, а в особенности над вырубленным и спаленным

турками садом, который прежде славился на весь черноморский берег. Говорят, что деревья, розы, камелии, виноград, фрукты, – все достигало в нем громадных размеров и необычайной красоты. Сколько лет нужно ждать теперь, сколько трудов положить, чтобы изгладить эти следы турецкого пребывания!.. Слава Богу, что сама всеильная, могучая красавица, южная природа, – лучшая целительница ран. Люди еще мало успели поправить в эти два-три года, а она уже сделала многое... Уже одни эти четырехъярусные горы чего стоят! Впереди – яркие, светло-зеленые, все изрезанные красивыми ложбинками, свежими овражками, потом – темнее, выше; за ними синие, сизо-туманные и, наконец, снеговые, которые то гордо выступают, блистая на голубом небе, то кокетливо прячутся за вершинами, поросшими лесом...

Здесь мы простились с нашими гурийцами, – братом, сестрою и маленькою абхазкой Мириям. Она и не сознавала, что попала на родину, – в место, где более трех-четырёх лет тому назад жила она спокойно и счастливо среди большой семьи, которой теперь осталась единственной представительницей.

В прелестной Сухумской бухте мы стояли недолго. Мы поплыли дальше, в открытое море, минуя Новороссийск, Анапу и еще несколько незначительных портов <...>

В. Желиховская. По берегам Черного моря: Из писем к подруге. – М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1908. – С. 13–30.

Владимир Тан-Богораз¹

НА СОЛНЕЧНОМ БЕРЕГУ

I.

Новый Афон.

Берег Черного моря однажды опустел и теперь снова заселяется. Рядом с древней культурой возникает новая, в соседстве с туземцами являются пришельцы различных племен с юга и с севера. Абхазские поселки, армянские плантации, греческие слободки, грузинские местечки, деревни русских новоселов, дворянские имения, интеллигентные колонии, общинные и полуобщинные; образцы церковной колонизации в духе святейшего синода, казенные курорты в стиле объединенного правительства, – все это существует рядом и даже не мешает друг другу, ибо места на побережье еще довольно на всех.

Еропкинская Криница, дачное место Сочи, абхазский Гудат, благочестивый Новый Афон, чиновные Гагры. Через каждые двадцать верст является новый социологический тип. Я попытаюсь описать если не все, то, по крайней мере, хоть некоторые.

В книге «Абхазия и Ново-Афонский монастырь», составленной архимандритом Леонидом, об основании монастыря рассказано следующее:

«Основанию обители предшествовало несколько поистине замечательных знамений... Место за рекою Псырстсхой принадлежало абхазцу-мусульманину Асану-Али. В одну ночь перед рассветом, в сонном видении, Асан-Али начал сильно кричать, хватаясь за свои бока. Пришед в себя, Асан объяснился так: „Когда я спал, явился ко мне почтенный и видный собою старец с посохом в руке и сказал: – Уходи отсюда со всем домом твоим. Место это назначено монахам. Они будут здесь жить и молиться Богу. – И когда я стал ему возражать, – продолжал Асан, – и заявлять права на собственное мое место, незнакомец начал бить меня палкою по бокам так сильно, что я чувствую боль даже теперь“.

¹ Владимир Германович Тан-Богораз (1865–1936) – русский писатель, этнограф.

„...Место, где жил Асан, – сообщает отец Леонид, – тогда не входило в состав монастырского надела. Но после турецкой войны 1877–78 годов сновидение Асана оправдалось. Места под усадьбою его и его соседей абхазцев, как ушедших в Турцию, все отошли в пользование монастыря“».

Таково первое чудо, связанное с основанием Ново-Афонского монастыря. Сомневаться в его подлинности нет никакого основания, ибо книга отца Леонида – издание официальное. Я получил ее из рук самого настоятеля, отца Иерона.

Таким образом, «незнакомец с посохом» открывает собою монастырскую историю. По местному преданию, это был Святой Пантелеймон, во имя которого заложен центральный собор обители.

С тех пор минуло тридцать четыре года, и за это короткое время ново-афонские монахи поистине совершили чудеса на каменных утесах, покинутых абхазцами. Они засадили их кипарисами и пальмами, развели виноградники, построили церкви и дороги, вырыли пруды, устроили искусственный водопад и электрическую турбину, даже железную дорогу провели наверху для перевозки каштановых бревен.

Для характеристики этого огромного труда я могу привести и другую цитату, – из А. П. Чехова, Она записана в монастырской книге для приезжающих гостей:

«Люди, покоряющие Кавказ любовью и просветительным подвигом, достойны большей чести, чем та, которую мы можем им воздать на словах».

«Незнакомец с посохом» и просветительный подвиг, – в жизни Ново-Афонского монастыря есть и то, и другое. Они существуют одновременно и, можно сказать, помогают друг другу.

На самой вершине горы, в развалинах старинной римской крепости устроена часовня с иконой Божией Матери. Дорога туда поднимается зигзагами. На полу-подъеме, под высоким деревом, стоит деревянная скамья. Оттуда открывается лучший вид на монастырские владения. В воскресный полдень мы сидели на этой скамье и смотрели вниз. Под нами стлались мягкие склоны горы, покрытые зелеными лугами. Там и сям стояли фруктовые деревья, очень старые, растущие свободно. Между деревьями мелькали монастырские школьники, сбивавшие яблоки и груши.

Школьников этих двадцать. Все они абхазские сироты. И, таким образом, они имеют двойное право собирать эти фрукты, растущие на воле, ибо деревья были посажены еще в домонастырское время их собственными отцами и дедами...

Ниже лежал обширный четырехугольник, обрамленной стеною кипарисов и усаженный маслинами. Масличных деревьев было двенадцать тысяч. Их блеклая зелень серела и кудрявилась, и кипарисы темнели кругом резкие, густо-зеленые. Дальше сверкали серебряно-стальные куполы шести монастырских церквей, краснели крыши мастерских, заводы, гостиницы, каменные бараки для богомольцев и рабочих. Везде виднелись кресты, белые стены, строгая зелень. Все вместе было, как каменный город и как новое кладбище, полное мягкой грусти и суровой строительной роскоши.

Мы спускались оттуда по большой кипарисной аллее. Она простирается на версту и доходит до самого берега. Мы шли не торопясь, и навстречу нам плыли звуки большого колокола, медленные, густые, отрывистые: дын, дын!.. Кипарисы тянулись вверх и хмурились, как монахи в зеленых мантиях, и будто молились по-своему, без слова, без движения. Пред нами шли богомольцы и богомолки, так же медленно, группами и парами. Впереди всех шла, или вернее ползла старуха из Воронежа, колченогая, сухорукая, темная, как мощи, сухая, как узловатое дерево. От самого Воронежа она приползла, не торопясь, пешей дорогою, как черная улитка. И вместе с ней пришли две молодые спутницы, соразмеряя шаг свой с ее искаленной поступью...

В толще стены монастырской бережно оставлено огромное старое дерево. Оно стоит одновременно внутри и снаружи. Половина тени его падает во двор, половина на внешнюю тропу.

Этот прекрасный пример бережливости к старому на всем побережье не нашел подражателей. Когда проводилось шоссе, господа инженеры скололи на щебень старинные долмены, остаток загадочной древности. Только один уцелел, «Дидова Хата», подальше Геленджика.

Церкви монастырские построены четырехугольником. Против соборной паперти, прямо через двор, двери трапезы. Стены трапезы разрисованы духовными картинами.

У монастыря все свое, даже живописцы доморощенные.

Зато и картины аляповатые. В приемной у настоятеля висит картина: «Начало Нового Афона». Можно разобрать только скалы, арбу и буйволов, а лица людские расплылись, как пятна чернильные.

В главном соборе стены белые и голые, ничем не разрисованы. Только во всю стену стоит иконостас, яркий, массивный, густо позолоченный, словно отлитый из золота. Белая известь и золото. Богато и холодно. Стиль эпохи Александра Третьего. Лучше молиться снаружи, в садах, между пальмами.

Мы ушли в верхние сады, а оттуда в нижние. Нас провожал отец Адриан, в клобуке и под мантией. У него было бледное лицо, плавные движения, взгляд смутный и мечтательный.

Он рассказывал тихим голосом будто себе самому, а не спутникам.

– «У нас крестьянский монастырь. Все люди простые, малограмотные. При электричестве монтерами бывшие матросы, прежде на судах плавали, присматривались к делу.

Отец настоятель тоже из самых простых, костромской селянин, а посмотри-ка, – Господь умудрил его, он строит без архитектора, мосты проводит без инженера...

Мы стремимся работать собственными силами. У нас в саду – свои работники, в винограднике – свои.

Даже на скотном дворе все наше послушание».

Отец Адриан говорил о недавнем монашеском съезде.

– От нас ездил на съезд отец Иерон.

Там были наши и ихние. Наши стояли за общежитный устав. Ихние были согласны, но только хотели исключить великие лавры, откуда и идут все доходы архиерейские. Но без лавр какое будет правило...

Два дня отец Адриан был нам верным спутником, водил нас в гору на «Ласточкино гнездо», откуда открывается чудный вид на Сухумский мыс и на море, показывал нам финиковую пальму в два обхвата толщиной и лимонное дерево, которое приносит две тысячи плодов, – и медленно ронял отрывистые фразы о монастырских порядках и об отце настоятеле:

– Этот человек два века будет жить. Восемьдесят лет ему, каждое утро сам на постройку бегают... У нас все ровное, – говорил отец Адриан. – Устав общежитный. Нет келейников. Каждый

сам для себя носит и моет. Не то грязный ходи и белье немытое...

Так говорил отец Адриан, восхваляя нестяжательность, а потом на расставании подставил руку лодочкой. Я, признаться, сконфузился, но тотчас опустил в лодочку серебряный рубль. Отец Адриан тихо поклонился и пошел себе далее.

Вечером в монастырской гостинице толстый прислужник, отец Малахия, дал нам посильное объяснение:

– У нас устав общежительный. Нет ни кружки, ни жалованья. Доходов не имеем, разве какой благодетель даст полтинник или двугривенный. Монаху тоже надобно. К примеру, сапоги дают из казны, монастырские, грубые. Такие скрипучие, Бог их знает зачем. Чтoб слыхали монаха издали. Если пожалеют милостивцы, подадут, справляем сапоги легонькие...

У толстого прислужника был низкий лоб и лицо унылое. Он много спал и говорил как будто спросонья, ленивым голосом и понуриив голову...

– Куда пойдешь? В миру тоже живут разнo. Господа хорошо, а бедные худо...

И взгляд у него был потухший, как у мертвого.

В монастыре три гостиницы, первая дворянская, для чистой публики, вторая для средней и третья для черняди. Пища повсюду постная и довольно скудная, в двух последних из трапезы; в дворянской гостинице для господ прибавляют рыбное блюдо. Но свежей рыбы нет, рыба привозится соленая из Ленкорани, с Каспийского моря, где у монастыря имеются собственные промыслы.

– Вы бы сходили на скотный двор, – советовали прислужники, – тамошний старец такой гостеприимчивый, как раз молочком угостит.

Отец настоятель давал нам советы противоположные:

– Бог в постах. Что установлено апостолами и их преемниками, того я не могу переменить. Был генерал значительный, пайщик русского пароходного общества, он пытался уговаривать: «Устройте отдельную гостиницу. Публике будет удобнее». – «Пока жив, – говорю, – не бывать этому. Здесь не мир, здесь монастырь. Кто хочет поестъ скоромного, пусть едет к князю в Гагры. Мы монахи. У нас княжество постное».

И, действительно, Новый Афон – постное княжество. Чер-

ный хлеб, подсолнечное масло. После обеда даже дамы икают довольно невежливо.

– В первый день первой недели Великого поста, – рассказывает отец Малахия, – ничего не вкушаем. После того дадут хлеба кусочек, он покажется тебе слаще сахара...

Вместе с тем поражает отчетливость, с которою каждый монах помнит все подробности своего еженедельного меню. Чуть зайдет разговор, и тотчас же начинается перечисление:

...А в понедельник у нас без масла, картофель в корке и огурцы соленые...

...А во вторник у нас щи с сухими грибами.

...А в сырную неделю отягощение желудка: днем и вечером все трапезы полные...

– Видели, небось, в трапезной, – спрашивал отец Малахия, – каждому полагается кубок. В кубке два стакана. Но только настоящее вино полагается иеромонахам, а рядовым монахам и послушникам пополам с водою, лишь бы краснело...

Постники думают о пище, как бы не нарушить правило. Другие все вымеривают и высчитывают, кому что полагается, чтобы никому не перешло даже на полкартошки лишняго. Не то беда, искушение, раздор.

– А в больнице у нас строго, – рассказывал отец Малахия. – В пятницу больному, хоть умри, молока не дадут.

В жизни моей я не слышал ни разу столько разговоров о пище и о блюдах.

Баракы для рабочих помещаются дальше, по берегу. Прежде всего, бросаются в глаза крепкие железные решетки. За решетками виднеются бледные лица и рваные одежды. Каюсь, с первого взгляда я подумал, что это ново-афонская тюрьма.

– Что вы, – сказал обиженно старший монах. – Зачем нам такая большая темница. А без решеток нельзя. К нам приходит пешая команда, наследники Максима

Горького, в окна влезают, друг друга обворовывают.

Действительно, на побережье наблюдается любопытное явление. С наступлением осенних холодов приходят с севера путники разного звания, без котомки и даже без обуви. Они шествуют пешком, проходят к Сухуму и Батуму, доходят до Тифлиса и даже до Баку, навстречу каспийским босякам. Помню, однажды в Баку

в мазутной канаве я видел рабочего. Он действовал лопатой, стоя по пояс в жирной грязи. Снизу на нем ничего не было. А сверху, вместо рубахи, были обрывки черного фрака и остатки цилиндра.

Рядом с пешей командой работают также богомольцы по обещанию для спасения души. Всего набирается сотни две и больше.

Монастырь платит 20 коп. в день, а если мало усердия, то даже 15 копеек.

– Больше не стоит, – говорил с пренебрежением старец на берегу у навесов, куда складывают бочки. – А в случае чего, так мы можем и без них.

Эти слова надо, однако, понимать *cum grano salis*. Самая черная тяжелая работа выполняется именно этими случайными наемниками. Я видел, как в бурю сталкивали с берега в море очередную лодку. Мимо шел пароход, и нужно было выехать за пассажирами. Кормчий монах стоял на берегу, человек десять рабочих копошились в воде, и набегавшие волны каждый раз обдавали их вместе с головой...

Ко мне подошел здоровый мужик в вышитой рубахе и портах и попросил милостыню. Он вел за руки слева и справа мальчика и девочку.

– Я сам из Екатеринослава, – рассказывал он. – Жинка померла. Соседи уехали аж в Бакинскую губернию. Меня тоже вызвали письмом. А там на Муганской степи не приписывают. – «Помрешь с детьми, – говорят. – Здесь лихорадка убивает народ». Я ушел, добился до Сухума, последний зипун продал, одна рубаха на плечах. Прибился сюда работать, хоть дешево, двадцать копеек, на обувь не заработаешь, да зиму бы кормились. Монахи сына примают, а дочку не примают. Куда мне с ней, хошь в гроб, или туркам продать...

Он стоял на самой дороге с своими ребятишками, а я смотрел на него и удивлялся его смелости.

Люди удивляются путешествиям Кука и Пири, но, право, меньше риска уехать на северный полюс, чем пуститься в Муганскую степь с малыми детьми по чужому письму, без гроша в кармане, с продажей зипуна, вместо последнего ресурса.

Вот они, путники без компаса...

Что год, то их больше. И пути их безразсуднее. И все ездят они и на что-то надеются. Ходят пешком по скалистым дорогам

и не бросаются в пропасти. Голодают и не топят. Не убивают и не убиваются. Только тихонько просят; «Подайте милостыню»...

Настоятелю, отцу Иерону, восемьдесят лет. Волосы у него пушистые, белые, а глаза молодые. Руки старчески худые, а движения порывистые.

Я видел его в первый раз в шесть часов утра возле электрической станции. Искусственный водопад дал течь, и ее надо было заделать. Отец Иерон много суетился и указывал посохом рабочим, куда и как надо класть известку.

Но когда он проходил из трапезы в церковь для поздней обедни, им можно было залюбоваться. Он был высокий, прямой, как пальма. Черная мантия лежала на нем ровными складками. Сзади него шла свита монахов, но из всех он был самый красивый, самый иконописный.

Он много рассказывал нам об основании обители:

– Здесь места древле-христианские. Сюда явились апостолы в шестой год после Благовещения. Этот жребий вынулся сперва Богородице, но потом Господь явился ей в бдении и сказал: «Я выбираю тебе другой жребий». Тогда послали Андрея и придали ему Симона Кананита, того самого, который был женихом в Кане Галилейской. Симон жил здесь год, а апостол Андрей проследовал в Россию...

Отец Иерон рассказывал нам эти старые предания так безыскусственно и просто, как будто дело шло о совсем недавних вещах.

– «Я был монахом на Старом Афоне, – рассказывал отец Иерон. – Ко мне явился старец во сне и послал меня: „Ступай на Кавказ, построй там монастырь“. Когда мы приехали, Бог знает, что было. Места дикие, даже абхазцами брошенные; скалы, непроходимый лес, без топора ни шагу... Я вырубил место в скале, поставил шалаш. Жил в роде собаки. Сколько одних скорпионов, – но миловал Господь. Братия поднялись на меня, роптали, уговаривали: „Что ты думаешь здесь сделать? Здесь гиблое место. Гнилая лихорадка“. Прислали на меня оттуда, с Афона, казначея, настоятеля. Все против меня... Я им говорю: „Мысленными глазами вижу храм, серебряные главы, слышу благовест, толпы народу“. – „Что ты думаешь? – говорят. – Теперь благочестие падает. Старые обители разрушаются, а ты хочешь новую создать

в этой пустыне. Неслыханное дело“. – Я им говорю: „Смотрите шире. Кавказ не всегда будет спать. Когда-нибудь проснется, и мы вместе с ним. Пусть же мы будем, как девы неспящие с светильником неугасимым“.

Вычистил место, заложил маленькую церковь. Старая башня была Генуэзская, видели небось, ее приспособил для жилья. Дороги стали прокладывать, весь камень на руках перетаскивали. Тогда Господь благословил наши труды. Стали притекать из России даяния. Когда я затеял строить нагорный монастырь, братия сказали: „У нас денег нет, Ты, если хочешь, строй“. А у меня тоже не было никаких денег. Только московский купец ***, спасибо, прислал первые 500 рублей. И что же, Господь помог, выстроили и куполами накрыли...»

О настоящем отец Иерон говорил менее охотно. – «Что нам ваш мир, – сказал он категорически. – Мы построили храм; наше дело небесное. А мир отделен от нас пропастью. Живем далеко, от вас к нам и не переехать». Отец Иерон говорил духовно, метафорически. Но слушатели, или, по крайней мере, слушательницы, поняли его в буквальном смысле. – А если железная дорога, – заикнулась одна. – По морю, правда, трудно ездить...

– Я отвергаю ее, – твердо возразил отец Иерон. – Не дай Бог. Придет и принесет хаос, приблизит соблазны. Живите сами, как знаете. Молитесь, помните Бога, главное, блюдите посты. Желудок вредит человеку, скоромная пища. В мире думают о брюхе, а забывают о душе. – Отец Иерон встал с места в знак того, что аудиенция окончена и стал давать гостям прощальное благословение. – Ты чем занимаешься? – спросил он одну из наших дам, однако не ту, которая заговорила о железной дороге.

Дама немного оробела.

– Я учительница, сказала она, собравшись с духом.

Отец Иерон легонько постучал ей пальцем по лбу: «Богу учи!»

Другой столп Ново-Афонского монастыря – это Отец Тиверий, смотритель монастырских садов. Ново-Афонские сады во многих отношениях лучшие на всем побережье.

На каждом шагу попадаются редкие пальмы, латания, причардия, саговая, финиковая, с листьями, похожими то на огромные веера, то на большие кудрявые перья. Апельсинные и лимонные деревья, усеянные плодами, пробковый дуб, дынное

дерево. В специальной литературе известна даже новая разновидность апельсина, выращенная отцом Тиверием, которая так и называется «Батюшкин апельсин».

Отца Тиверия не было дома. Он явился только к вечеру, когда мы уже возвращались из садов. Под свежим впечатлением только что виденного, публика обступила его и стала осыпать похвалами и расспросами. Он все молчал и смотрел исподлобья. Был он человек лет пятидесяти, коренастый, в очках. Волосы у него были серые, с проседью, как будто песком присыпаны, пыльная борода. Ноги его так крепко стояли на земле, как будто, наравне с деревьями, пустили корни в эту плодородную почву.

– Скажите, отец Тиверий, а за что вы получили золотую медаль?

Лицо отца Тиверия внезапно оживилось: – Вы говорите о той медали, которую я получил от Святейшего Синода с правом ношения на Анненской ленте?

– Нет, батюшка, мы о сельско-хозяйственной выставке.

Гости знали из путеводителя, что отец Тиверий получил на сельско-хозяйственной выставке золотую медаль за образцы плодводства.

Отец Тиверий покачал головой: – Что выставка, я их много видал...

Понемногу мы разговорились. Отец Тиверий обнаружил в области садоводства обширные познания и огромный опыт. К некоторому моему удивлению он относился к собственным успехам очень трезво и даже не без примеси скептицизма.

– Здешний край – грунтовая теплица, – говорил он. – Море и высокие горы. Вечная влажность. В чем сухость нужна, то не может развиваться. Маслина, например. Я насадил двенадцать тысяч деревьев, а собрал тысячу пудов маслин. Едва на посолку хватило, не то что на масло. При том же, думается мне, здесь по берегу старинные греческие поселения, как же греки маслин не развели. Для них маслина – это первое условие. Около Гагров есть в лесах одичалые маслины, но только жалкие такие, скудные. Они в счет не идут. Даже наши хваленые апельсины и лимоны с годами водянеют, вкус теряют. Вот мандарины японские – эти могут идти, в каком хочешь месте будут доход давать. Я насадил тоже тысячи четыре. Видели их? На них приятно посмотреть...

Мандарины отца Тиверия были на загляденье. Маленькие, почти карликовые и до самой земли усыпанные плодами. Даже питомники и школы молодых рассадок, вытянутые прямыми рядами и такие веселые с виду, действительно похожие на школьников, рассаженных по партам, уже приносили плоды.

– Наш климат очень похож на японский, – говорил отец Тиверий, – влажность и солнце. Оттого всякие декоративные растения удаются прекрасно; вечно-зеленые кустарники; зимние и летние цветы. Вот посмотрите на эти желтые розы «Маршал Ниель»...

Высокая беседка, обвитая зеленью, была вся осыпана крупными желтыми цветами. А снизу отходила шпалера других роз, мелких и темнопурпуровых, как кровь.

– Самые нежные пальмы у нас преуспевают. Взгляните: *Scaripha australis*, по самому имени, южной породы. А она у нас зимует без всякой крыши. Табак самый дорогой. В других местах такого и не найдешь. Овощи всякие. Но с фруктами опять хлопоты. Чужие породы не прививаются. Много паразитов, например, на яблоки – кровавая тля. Зато могут прекрасно идти абхазские сорта, яблоки, груши, старинные, на месте выращенные, которые прошли сквозь естественный подбор и человеческий выбор.

Отец Тиверий стал вдаваться в подробности, но меня интересовал вопрос более общий. Откуда отец садовод набрался мудрости? Где источник этих обширных и точных познаний?

– Скажите, отец Тиверий, – спросил я осторожно, – вы выпишиваете журналы по садоводству? – Лицо монастырского садовода внезапно изменилось. Губы его презрительно сморщились. Даже речь стала другая, какая-то простонародная.

– Светские журналы садоводства? Нет, не выписываю. На что? В России пальмов нет, лимонов это, или цитронов. Напротив, я сажаю, а они смотрят, да расписывают. На что мне читать?

– Быть может, из Италии?..

– Какая Италия, – сказал отец Тиверий с той же непонятной враждой. – Я был на старом Афоне. Там обучался. Такая же Италия. На что мне книги? В книгах добра нету. Я в Палестину ездил. В Яффе видел сады апельсиновые. Турки устроили тоже без книг, абы как, без всякого порядка. А как родит... Не по-нашему.

Солнце у них, орошение старинное, воды сколько угодно, бежит по желобам. Сколько впитает сама земля. Удобрение – овечий помет...

– Что нам наука, – закончил отец Тиверий. – Овечий помет – лучше всякой науки.

Он однако выговаривал правильно мудреные латинские названия. Этому, по крайней мере, нельзя было научиться от ту-рок.

– Скажите, отец Тиверий, – перешел я на другую тему, – у вас есть в соседстве русские поселки?

– Как же, – сказал отец Тиверий, – вон за семь верст по тракту село Петропавловка. Еще Баклановка.

– Они перенимают что-нибудь у вас?

Отец Тиверий покачал головой.

– Зачем им перенимать? Они не занимаются. У петропавловцев надел десять десятин на душу. Они занимаются сеном. Греки, армяне, – они понимают здешнее хозяйство, фрукты, табак. Вот я сдал армянам пять десятин яблок за семьсот пятьдесят рублей. А табак в пять раз доходнее. Русский этого не понимает. Русский хочет рожь сеять, а рожь приносит пятьдесят рублей с десятины. Учиться не хочет. Зачем тут горы, – говорит, – Кавказская сбруя. Начальство не смотрит. Как будто начальство должно им горы выпрямить...

Мы помолчали. – Вы бы хоть школу устроили, что ли, – сказал я.

– У нас есть школа своя, – возразил отец Тиверий, – абхазских сирот, для возвращения к Христу. Мы – монастырь.

– А разве русских ребятишек вы не принимаете? – спросил я с некоторым удивлением. Я вспомнил вчерашнего екатеринославского переселенца и его детей, уцелевших от муганской лихорадки.

– Позвольте вам сказать, – начал отец Тиверий, с той же резкостью – к нам из России приходят только босяки. Отчего же правительство не велит собрать всех бегущих детей и учить их ремеслу, чтобы они имели свой кусок хлеба? Тогда бы они не ходили босячить по нашей земле. Приходится взять для иного билет на монастырский счет, чтобы он только уехал...

Я ничего не сказал. Отец Тиверий, только что высмеивавший петропавловских переселенцев, теперь выразил тоже упование

на всесильное начальство.

– Или другие монастыри отчего не делают? Разве только наш один?..

– Ведь вы знаете, что делают другие монастыри, – возразил я.

Отец Тиверий пожал плечами.

– А нам что? Мы существуем для Царствия Небесного.

Я слышал то же самое утром от отца настоятеля. Но в твердых устах этого хмурого работника те же слова прозвучали иначе, холодно и жестоко.

– Видели в соборе старшую братию, – спросил отец Тиверий. – Каждую ночь их будят в два часа к ночной службе. По келиям ходят, засматривают. Болен, не болен – иди. Стой в церкви, молись Богу. До того стоят, у стариков ноги оплывают.

Я вспомнил линию черных фигур у левого притвора. Они стояли в узких деревянных «формах» недвижные, как статуи. Иные слегка опирались локтями на гладкие перильца. Они походили издали на темные иконы естественной величины.

Отец Тиверий посмотрел мне в глаза. – Вы что думаете. – Мы здесь в саду тоже правило читаем, какое полагается... После трудов. Нельзя пропустить, на совести будет лежать. Келейный канон. Все исполняем нужное Богу...

В его лице было что-то гордое, стальное, неприступное. Я вспомнил это характерное выражение. Я видел его лет восемь тому назад в лице Ивана Подовинникова, духовоборского эконома. Тоже искусный делец, торговый приемщик духовоборческой общины, он говорил мне таким же тоном о «славе духовоборского народа», и за его отрывистой речью чуялась та же стальная стена, отделившая «Царствие Небесное» от нашего греховного мира.

Я однако не стал говорить об этом сходстве. Оно не могло бы понравиться суровому ново-афонскому монаху.

– Я смолоду любил сады, – говорил отец Тиверий. – Когда жил в миру, я служил в городе, а в деревне у себя развел маленький садик. Потом приехал домой, а его весь выдергали.

– Кто выдергал?

– Соседи. Яблони с корнями повытащали. Даже яблоков не было. Из простого озорства. Вот тут и разводил сады. Прошлым летом я съездил домой. Я самарский, Кузнецкого уезда. По Вол-

ге прокатился, к своим заглянул. Так даже огурцов не сажают. – «Отчего не сажаете?». – Как сажать? Соседские парни, большие женихи, еще не дозрелое так с плетями и повыдергают...

Мы продолжали говорить о русских поселенцах на Кавказе и между прочим коснулись интеллигентских колоний. Отец Тиверий улыбнулся с тем же пренебрежением.

– Не склеилось у них. Криница разрушилась. В колонии «Белла» тоже не все ладится. Разве может стоять община на светской основе, на равенстве. У нас дисциплина, неравенство...

Высокий монах, уже не молодой, в короткой шведской куртке поверх длинного подрясника, подошел к отцу Тиверию. Это был один из его многочисленных помощников.

– Благослови, отец, идти в виноградник.

– Господь благословит.

Отец Тиверий, почти не глядя, протянул руку. Монах низко склонился и почтительно поцеловал ее.

– Вот чем держится наша община, – сказал отец Тиверий.

На высокой горе у Иверской часовни, в каменной нише, под стеклом собрана грудa костей и черепов из старых могильников. Над нишей надпись в роде четверостишия:

Любовью просим вас:

Посмотрите вы на нас.

Мы были, как вы,

Вы будете, как мы.

На следующее утро мы уезжали из монастыря. Было очень рано. Солнце только что вышло из-за высоких восточных гор и ласково смотрело на нас своим огромным сияющим глазом. Темные кипарисы и пепельные маслины остались сзади. Тяжкий звон большого соборного колокола плыл нам вдогонку и становился все глуше и невнятнее. А море журчало внизу и смеялось навстречу.

Суровый белый монастырь на высокой скале остался далеко за нами, как будто осколок загробного царства. Кругом нас был снова прекрасный, грешный, веселый мир земли, где не нужно носить черных клобуков и целовать чужих рук, где люди дерутся и мирятся, и помогают друг другу, живут и умирают, но не разгораживаются заживо каменной могильной стеной. Худая ссора – лучше доброго мира на кладбище.

IV.

Гагры.

Климатическая станция Гагры составляет поселение автономное и управляемое особыми законами.

В пяти верстах от курорта, в поселке «Новые Гагры», поставлена даже застава для всех фургонов и дилижансов, ибо подъезжать к резиденции в дилижансах строго воспрещено. Нашу «линейку» тоже остановили и заставили нас переложить свой багаж на другую линейку, местного происхождения. Впрочем, она была похожа на нашу, как две капли воды, только подушки на ней были изорваны и железные пружины торчали наружу и больно кололись.

С нас взыскали заставную пошлину по пятиалтынному с души и пропустили далее.

Мы ехали по узкому берегу и по дороге постоянно встречали явные следы благодетельного начальственного попечения. Например, огромные плакаты: «Строго воспрещается касаться руками телеграфных проводов. Может последовать смерть». Я насчитал таких плакатов четырнадцать. И на каждом мостике с обеих сторон тоже по объявлению, еще и на трех языках, на русском, грузинском и татарском: «Осторожно, крутой поворот, а в сорока шагах мост», – как будто извозчики сами не знают. А если бы даже они и не знали, так все они безграмотны и объявлений не читают. В виде разнообразия, в парке глубокие канавы с текущей водой остались без ограды. Поперек турникеты и просто дощечки. Ночью, того гляди, сверзишься вниз.

К слову сказать, в Абхазии на всех мостах тоже развешаны надписи, и непременно русские, хотя и в местной переделке: «Ешала шагами». Жаль только, что мостов мало, и быстрые горные реки у самого устья часто приходится почти переплывать вместе с тарантасом по сомнительному броду.

На полудороге, в имении «Отрадном», у водоема с позолоченной надписью: «Памяти Константина», нам попались первые дачники, толстый купец и девица в шляпе колесом и с кодаком в руках. Но дальше до самого поселка было безлюдно и тихо. Нам встретилась так называемая «ванная конка», в своем роде един-

ственная на всем побережье. Она проведена на две версты, от гостиницы к морским ваннам... Кондуктор ехал с вагоном, один одишешенок, без публики, будто по казенной надобности. И сзади у него (у вагона, а не у кондуктора) был прилеплен почтовый ящик желтого цвета, тоже, очевидно, пустой.

В самом поселке народу было довольно. Все офицеры и даже генералы разного оружия. Везде попадались стражники, жандармы, казаки синие и красные, солдаты в хаки. Впрочем, три большие казенные гостиницы были наполовину пусты. В гостиницах везде электричество, чистое белье, серебро, пуховые подушки, прислуга идеально вышколенная, не хуже, чем в Государственной Думе. Лакеи из бывших военных, а горничные молодые, здоровые, как будто на подбор.

И почти на лету: «Слушаю-с, подаю-с, точно так...»

Правда, в тонком полотне оконных занавесок попадают клопы, и даже сколопендры, а двери обломаны. Но ведь на Кавказе бывает и не то. Построены гостиницы из дерева, крыты картоном, все это в странных перильцах и балкончиках особого стиля. Его можно было бы назвать стилем спичечных коробок. Дерево высохло до крайности, – кажется, только стоит искре упасть, и все вспыхнет, как костер.

Даже всевосхваляющий путеводитель Москвича отмечает с своей стороны: «Здание временной гостиницы подобно грандиозной коробке спичек, откуда в случае несчастья никто не спасется». И еще: «Простенки так тонки, что слышишь невольно не только разговор соседей, но даже то, что соседу снится».

На берегу играла музыка. Провожали на пароход важного генерала. Когда мы спустились вниз, пароход уже отчалил. Только казенный прожектор все еще ловил уходящую палубу своим ослепительным лучом. И в этом ярком ореоле выступала мундирная фигура внушительного вида, как ангел в опере «Демон».

Знатная публика столпилась на деревянных мостках, которые называются пристанью, и мостки качались. При обратном следовании ветхая доска внезапно выскочила из-под самых, что ни на есть, сановных ног, и произошло смятение. Услужливые стражи подскочили и стали выдергивать скамейки из-под зрителей, даже из-под дам, торопясь очистить мостки. И на твердой земле зачем-то задержали и обыскали двух брюнетов туземного вида, но,

ничего не найдя, отпустили их с миром обратно.

Музыка сыграла «отвальную» и поднялась вверх, и снова заиграла. В кустах, под полотняными навесами и у искусственных гротов зажглись цветные фонарики. Журчали ручьи и мерцали болотистые пруды, Бог знает, зачем устроенные. Повсюду развернулась вечерняя тишь, искусственная красота и скука, привычная в Гаграх...

Законы, на основании которых управляются Гагры, пишутся на мимеографе и ежедневно вывешиваются в назидание публике. В моем распоряжении имеется целая коллекция. Приведу некоторые, наиболее выдающиеся.

1) «Приказание по гагринской климатической станции, № 179, 21 мая 1909 г.:

а) С 21 мая сего года плата поденным рабочим по станции назначается по девяносто копеек за рабочий день.

б) В районе гагринской климатической станции, в особенности около гостиниц, развелось слишком много кошек. Предписываю владельцам кошек надевать на них ошейники. Кошки без ошейников будут уничтожаться».

2) «Приказание по гагринской климатической станции № 342, 9 октября 1909 г.

а) Исключаются из списков два осла, за № 8 и 11, из которых один пропал, а второй разбился о камни, сорвавшись со скалы.

б) Штрафуется на три рубля официант Никита Ладный за оскорбительный и дерзкий ответ заведывающей рестораном».

И еще:

«Производятся из телят в коровы за достижением надлежащего возраста № 6 и 10, о чем объявляется по управлению поселка», и проч., и проч.

Все приказы подписаны: «Вр. и. д. начальника гагринской климатической станции полковник такой-то.

С подлинным верно: Делопроизводитель такой-то».

Гагры – это узкая полоска земли по берегу моря, у подножия высоких и отвесных гор и такое же узкое ущелье по реке Жуекваре. На всем побережье Кавказа это самое тесное и узкое место. Можно только удивляться, почему именно оно выбрано для казенного курорта. Конечно, ущелье представляет великолепную стратегическую позицию, и с древних времен здесь находилась

Понтийская крепость, потом римская, византийская, генуэзская, абхазская. В русское время ущелье служило для перевода краденых лошадей из Черноморья в Закавказье и обратно. Но ведь курорты устраиваются не с стратегическими целями и не для борьбы с конокрадством. Одно основание этого курорта стоило 3 ½ миллионов рублей, а ежегодная ассигновка достигает до 150.000, не считая различных прибавок.

В прежнее докурортное время эти живописные горы в диком запустении природы и старых развалин были повиты сонной меланхолией и угрюмой красотой, в стиле картины Беклина «Остров мертвых». Следы этой красоты сохранились и до сих пор. На самом берегу застыли вековые тополя, еще генуэзцами посаженные, как гигантские колонны, в три и четыре обхвата. Старая церковь VI века сложена из рваного камня. В прежнее время ее грубые стены были обвиты лозой и лианами, и на самой вершине свода росло старое фиговое дерево.

Ущелье Жуеควары повсюду заросло самшитом и буком и засыпано цветами. А местами оно так узко, что для берега и леса не остается ни пяди свободной, и все ущелье превращается в коридор между каменных стен, весной наполненный бешеной пенистой влагой, а осенью забросанный круглою галькой по обнаженному ложу реки.

В настоящее время на всю эту красоту наведен лоск казарменно-промышленного вида.

Пятиверстная полоска земли между Старыми и Новыми Гаграми разбита на узкие дачки в 250 квадратных саженей. Дачи розданы разным владельцам, военным и штатским, и застраиваются тесно, как Новая Деревня в Петербурге. Прекрасное ущелье занято длинными бараками для помещения рабочих – квартир на четвереста, и на самом берегу Жуеควары красуется обширный свинарник с номерами и отделениями. Все служащие и рабочие имеют право держать здесь собственных свиней. Учреждение это безусловно полезное, но гулять мимо него не особенно приятно.

Чтобы несколько скрасить унылый вид и хаос рабочего поселка, земля перед бараками нарезана длинными ломтиками на палисадники каждой семье. В этих палисадниках разводят горох и крыжовник, огурцы и астры, но самое видное место занимают те же неизбежные плакаты на дощечках, густо насаженные всюду:

«Первый приз за осеннюю выставку 1905 г.», «третий приз за весеннюю выставку 1908 года»...

Ибо заботливое начальство осенью и весной обходит палисадники и щедрою рукой раздает поощрительные призы, часы, подстаканники, чеканные пояса. На иных палисадниках цветы засохли и исчезли, и остались только палки с дощечками и надписями, как некий словесный казенный сад.

Главное ощущение в Гаграх – тесно до крайности везде, в крепости и за крепостью. Даже дворец Ольденбургского принца навис над базаром, и скалы стесаны природой и искусством в уровень со стенами, и мимо дворца не осталось прохода.

Эта теснота несколько не скрашивается зебрами, которые местами бродят в казенных имениях, как будто лошади в пестрых фуфайках, не оживляется ничуть ихневмонами, попугаями, мартышками, которые были не очень давно привезены с большими издержками, и потом разбежались или разлетелись неведомо куда. Зебры, положим, даже награду получили в Адлере на выставке плодоводства...

Публика в Гаграх по преимуществу военная. Все аксельбанты, воротники с золотом, красные чекмени. Штатские сплошь петербуржцы, а к северу, в Сочи, больше москвичи, а из петербуржцев разве кадеты или, в крайнем случае, левые октябристы.

Летом в Гаграх собирается много народа. Но жить в Гаграх скучно. Даже путеводитель говорит; «Здесь постоянно уныло и тоскливо. Приехавший сюда не задерживается. В Гагры хорошо ездить лечиться тишиной».

Скучно жить в Гаграх и вдобавок голодно. Казенный ресторан prepares пищу суконного свойства. Прислуги в ресторане не хватает. Пока подадут, не дождешься. А цены, как на французской Ривьере, в Монако или в Ницце. Такие ресторанные порядки были, должно быть, в Харбине во время войны. Если на то пошло, то лучше обедать в татарском отделении народной столовой. Салфетки не дадут, зато хоть перцу навалят больше, чем нужно, фасоли, помидоров, бараньего жира.

Вся жизнь в Гаграх казенная, – даже мелкие лавочки и турецкие кофейни получают субсидию, а другие, напротив, платят за место на базаре по 30 рублей в месяц. Зато и цены совсем небывалые, вдвое и втрое против соседних прибрежных местечек.

А торговцы кричат: «Ну и место. Попался сюда на лето. Больше никогда не приеду».

Ко всему этому надо прибавить климат, до крайности влажный, особенно летом. За своими высокими стенами, на берегу моря, под жарким солнцем, станция Гагры стоит, как грунтовая теплица. Для нас, непривычных, весь климат устроен как будто навыворот. Летом безоблачно, ясно, тепло. А сырость такая, что все покрывается плесенью. У дверей косяки разбухают и рамы у окон. Зимой постоянные ливни. Реки и ручьи выходят из всяких границ. Низины затоплены. А в воздухе сухо. Деревянные двери трескаются, в комнате сохнет табак.

Летом и зимой малярия. И с утра до вечера нечего делать. Даже флиртом заниматься слишком душно. Испарина возьмет. Скучные горы...

Собрание сочинений В.Г. Тана. Т. 9. – Санкт-Петербург, [1911]. – С. 228–248, 265–273.

Константин Ковач¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

**[к книге «Два Маджа: Абхазские рассказы и легенды».
Сухум: Издание Абгиза, 1935]**

В течение нескольких лет, по инициативе председателя ЦИК'а Абхазии т. НЕСТОРА ЛАКОБА, в этой богатой фольклором стране проводилась работа по собиранию абхазских народных песен. Эту благодарнейшую работу посчастливилось выполнить мне. Собирая песни, я, естественно, встречал и такие образцы устного народного творчества, как рассказы и легенды.

Вполне понятно, что я (как сделал бы всякий собиратель) старался записывать не только то, что непосредственно относится к песням, но также и то, что к песням не относится. Делал я это

¹ Константин Владимирович Ковач (1899–1939) – советский и абхазский композитор, пианист, дирижер, музыкальный педагог и музыковед.

потому, что ценность встречавшихся мне различных образцов фольклора была слишком очевидна.

Глубокая народная мудрость трудящихся абхазцев, их крупная одаренность и талантливость, особенно ярко предстали предо мною, как перед собирателем, летом 1928 года при следующих обстоятельствах.

В это лето т. Нестор Лакоба отдыхал на горе Бамбей-Яшта в пастушеском балагане, среди пастухов и охотников. Я был любезно приглашен товарищем Лакоба провести некоторое время вместе с ним на Бамбей-Яште.

Естественно, что, узнав о пребывании в горах своего руководителя, революционного героя товарища Нестора, к нему сошлись пастухи из самых отдаленных стоянок, а из селений к нему сошлись старики – трудовые крестьяне.

Как принято у абхазцев, в честь дорогого гостя пастухи и охотники соревновались в лучшем рассказе, в передаче лучшей легенды, в исполнении лучшей песни, лучшей пляски.

И я должен сказать, что здесь имело место не просто изложение и демонстрация чего-то уже известного, а подлинное художественное творчество тут же, «на ходу». А это, ведь, совершенно бесспорный показатель высокой талантливости народного певца, танцора, рассказчика.

В течение многих лет собирательской работы, мне никогда не приходилось попадать в такую исключительно удачную для собирателя обстановку, так как мое появление среди крестьян и пастухов никогда, конечно, не могло вызвать такого подъема настроения, такого энтузиазма, как это бывает при появлении товарища Лакоба.

И я старался как можно лучше использовать эту обстановку тогда на Бамбей-Яште, прекрасно понимая, что такая удача может не повториться.

Пользуюсь случаем, на первых же страницах этого маленького сборника еще раз принести товарищу Нестору горячую благодарность за предоставление мне возможности попасть в такую прекрасную для собирателя обстановку и, благодаря этому, выполнить настоящую работу.

Материалы рубрики подготовил А.Я. Дбар

А. Борисов¹

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

Сравнительно небольшой город Сухум имеет не в пример другим таким же городам слишком много зрелищ: 2 театра, цирк, 2 кинематографа и в скором времени открывается еще один театр миниатюр.

Для города с населением в 15–20 тысяч человек этого более чем достаточно, тем не менее нередко бывают случаи, когда количество алчущих зрелищ значительно превышает количество мест.

В жизни местного населения жажда зрелищ играет громадную роль, – необходимо пойти этому стремлению навстречу, дать ему разумное удовлетворение.

К сожалению, до сего времени в этом направлении ничего не было сделано. Оперетты и фарсы, водевили и дивертисменты с куплетами и танцами, акробаты, борьба и вновь куплеты, часто неграмотные, пошлые и глупые, картинки полупорнографического содержания – вот и все, что получало население, т.е. то же самое, что получало оно и раньше, когда все предприниматели зрелищ заботились только о наживе и подделывались под вкусы толпы, нисколько не интересуясь ее духовным воспитанием.

В течение всего летнего сезона я наблюдал посетителей театров и цирка и обратил внимание, что все они весьма заметно распределяются по категориям.

В 1-м государственном театре публика преимущественно интеллигентная, полубуржуазная и капиталистическая, – и только дешевые места заполнены рабочими и советскими служащими.

Во 2-м театре спектакли бывают редко, но когда они бывают, там преобладают трудящиеся.

В «Олимпии» на некоторое время приютился так называемый

¹ Об А. Борисове никаких биографических сведений до нас не дошло. Известно лишь то, что он в 1921 году переехал в Абхазию из одного российского региона, подвергшегося голоду. В Сухуме Борисов начал сотрудничать с газетой «Голос трудовой Абхазии», где, помимо прочего, освещал культурную жизнь города; иногда свои заметки и статьи подписывал инициалами А. Б.

мый театр «Миниатюр» –и он переполнялся преимущественно демократической, пролетарской публикой, точно так же как и цирк с добавлением лишь в значительном количестве мелких и крупных торговцев и приезжающих из деревень крестьян.

Между прочим, любопытно отметить следующее характерное обстоятельство. В одно из воскресений в 1-м государственном театре состоялся спектакль с участием известного артиста Лепковского. В программу вошли одноактные пьесы, отрывки из опер и разнообразный дивертисмент с пением, декламацией, танцами и прочее. В театре «Олимпия» в тот же вечер также были поставлены одноактные пьесы с дивертисментом в заключение. Но и пьесы и дивертисмент были достаточно бездарны, исполнение из рук вон плохое и, тем не менее, при почти одинаковых ценах, в 1-м государственном театре было сбора 300.000 рублей, а в «Олимпии» более 600.000 рублей, при чем в последнем театре я видел много советских служащих и рабочих, плативших по 2–3 тысячи рублей за билет. Так велика жажда зрелищ, жажда духовной пищи, что люди отказывают себе даже в хлебе, чтобы пойти в театр, именно в «свой» театр, наиболее излюбленный! В кино публика самая разношерстная, но выбор картин случайный, в большинстве из старого балласта, – и все-же все кино всегда почти переполнены.

Чем же в общем питалось все лето население Сухума?

В 1-м Государственном театре, как я уже однажды писал, среди отрывков наших даровитых драматургов, попадались и фарсы, вроде «Из-за ребенка», и шантанные номера. Во 2-м еще недавно я видел вздорную салонную пьесу с адюльтером, из рук вон плохо исполненную, и глупейший водевиль, давно уже сданный в архив, – «Школьная пара». В Олимпии выбор был еще хуже. В цирке, особенно охотно посещаемом, есть искусные акробаты, жонглеры, танцоры, как например талантливая Брунос, но наряду с этими невинными номерами были выступления борцов, вызывающие грубые животные инстинкты, и езда на автомобиле через живого человека, и певцы романсов в женском платье, женским голосом, и много другой совершенно недопустимой ерунды.

Так было все лето. Но так конечно не может и не должно быть. Все театры и зрелища должны быть под особо заботливым наблюдением достаточно компетентных лиц; должен быть составлен план работы таким образом, чтобы преподносимая духовная

пища расширяла умственные горизонты, развивала их цикл лекций из области науки, политики, литературы, искусства, могущих вылиться впоследствии в народный университет.

Для зимнего сезона в I-м государственном театре артист Лепковский набирает труппу, в состав коей приглашены известные в России артисты и, что самое главное, уже составлен репертуар из классических произведений и лучших современных авторов, как революционных, так и литературных. Кроме того, 2–3 раза в неделю будут ставиться оперные спектакли.

Все это очень хорошо, конечно. Но не надо забывать и другие театры, излюбленные пролетарской публикой. Именно там особенно необходимо давать здоровую пищу и проливать свет знания, вместо мрака, в котором эти театры до сего времени утопали.

Голос трудовой Абхазии, 30 октября 1921, № 91

ПРИКАЗ № 7

Комиссариат труда Советской Социалистической Абхазии, имея в виду наступление осеннего времени, объявляет для всеобщего сведения, что с 10-го сентября с.г. рабочий день для лиц физического труда должен начинаться в 7 часов утра, а для лиц умственного труда с 9 часов утра и оканчиваться для лиц физического труда в 4 часа дня с перерывом на обед на один час, а для лиц умственного труда в 3 часа без перерыва. В субботние дни рабочий день для лиц физического труда должен кончаться в 1 ч. дня без перерыва, а для лиц умственного труда в 3 часа дня.

Наркомтруда: Макаров.

Голос трудовой Абхазии. 11 сентября 1921, № 70.

Самсон Чанба

СУХУМ, 28-го МАРТА 1918¹ ГОДА.

(Воспоминания)

Дни стояли великолепные... Сухум купался в теплых лучах южного солнца... Приближалось падение Сухума, в то время находившегося во власти меньшевиков.

В воздухе ощущалось что-то новое, сильное, властное...

Многие понимали это и трепетно ждали это зарождавшееся новое, что могло встряхнуть обывателя города Сухума, пребывавшего в сонном покое, в стоячем «болоте» меньшевиков...

Другие же не понимали, и им, напуганным сказками меньшевиков и буржуев-спекулянтов о большевиках-чудовищах, несущих всюду «смерть и разорение», мерещились ужасы одни страшнее других...

А «власть», используя это настроение обывателя, выпускала длиннейшие воззвания, выставляя большевиков пугалом и нанизывая «факты» их злодеяний, чтоб отрезвить всякого «начиненного» большевизмом.

И отрезвила!

Утром 26 марта² на высотах Сухума, залитых весенним солнышком, вдруг затрещали ружейные выстрелы и загадочный, таинственный большевизм, как весенний поток, бурный и стремительный в своем победном шествии, влетел вихрем в г. Сухум...

«Власть» исчезла, как дым... А обыватель спрятался в свою нору, дрожа от страха и ожидая грозных событий.

Прошло несколько часов. Обывателю надоело ждать... Кругом все спокойно. Издали доносится говор, смех, оживление... Преодолея свой страх, выглянул на улицу – видит – проходят мимо люди, весело разговаривая.

Поодаль стоит толпа, оживленно что-то обсуждающая.

Любопытство взяло обывателя и он, набравшись храбрости, направился туда. Видит: в толпе ходят люди с винтовками, да еще по бокам у них висит что-то странное в роде жестяных фо-

¹ В оригинале был указан 1920 год, что является явной ошибкой.

² По-видимому, и здесь опечатка; в названии мемуаров указана дата 28 марта.

нариков, а поодаль вдоль улицы рядами стоят, опершись на винтовки, веселые, бодрые люди. Кругом шумно, оживленно, весело...

Стоит наш обыватель и удивленно озирается кругом.

– Господин, а господин! – обращается он к стоявшему около него соседу.

– Товарищ, а не господин – отвечает тот ему – теперь мы все товарищи, нет теперь господина, господин это тот, кто господствует. Теперь никто уж не должен господствовать, это время прошло, забудь старое, привыкай к новому.

– Виноват, товарищ – поправился обыватель – скажи, пожалуйста, где этот большевик?

– Да что ты, с неба что ли! – удивляется сосед. Вот большевик: я, он, этот, они – показал он на людей, рядами стоящих вдоль улицы,

– Ты, небось, ждал, что большевики с рогами? Видишь теперь?

– Вижу, товарищ. А скажи, пожалуйста, что же это такое висит по бокам у них, фонарики что ли? – любопытствует снова обыватель.

– Да что ты! это ручные гранаты и бомбы против контр-революционеров, против тех, кто против Советской власти, власти рабочих и крестьян. Понимаешь теперь?

– Так, так – соглашается обыватель...

Но вот опять его взор привлекается новой толпой, стоящей около бульвара.

Направляется он туда.

Видит – стоит толпа в ожидании чего-то, а на балконе высокого здания стоит группа людей. Выделяются двое.

– Товарищи! – раздался сверху голос одного из них.

То говорил Эшба.

Стройная, плавная, прямо из души, полная простоты речь полилась из уст. Полные силы, веры и надежды слова сыпались сверху, как весенние лепестки, на стоявшую внизу толпу, заражая всех своей силой, простотой и правдивостью.

Кончил он и его заменил другой его товарищ – Лакоба.

Игривыми, полными сарказма словами, бичуя врагов рабоче-крестьянской власти, говорил он.

Дивился всему этому обыватель.

Что за чорт! В этих людях нет и тени того, о чем рассказывали буржуи и меньшевики. «Надували, дурачили нас и только. Эх, прохвосты», – думал он, и горячие, одухотворенные, полные правды и истины слова заражали его, вселяли в него бодрый дух веры в большевиков – веры в лучшее будущее...

Голос трудовой Абхазии. 7 ноября 1921, № 94

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ И РЕВОЛЮЦИОННОМУ КОМИТЕТУ АБХАЗИИ¹

Дорогие товарищи!

Вам, наверное, известно то острое малоземелие, которым страдает крестьянство Грузии в целом. Не проходит дня, когда бы в комиссариат Земледелия не поступало по несколько ходатайств от крестьян почти со всех уголков Грузии, в особенности из Кутаисской губернии, о переселении их на новые места в силу малоземелья или же полного безземелья у себя на родине.

К величайшему прискорбию, в большинстве случаев нашему Комиссариату в этих ходатайствах приходится отказывать за недостатком в пределах Грузии свободных земель, годных для поселения на них всех безземельных или малоземельных крестьян.

Но в отношении малоземелья или скорее безземелья больше всего в Грузии выделяется Рачинский уезд. В высшей степени трудолюбивое и чрезвычайно выносливое крестьянство этого уезда находится в столь исключительном и ужасном положении в отношении обеспечения землей, что это даже трудно себе представить. Из доклада ответственного секретаря Уездпарткома тов. Насаридзе можно убедиться в том, что крестьяне Рачинского уезда буквально обречены на гибель, что существовавшее

¹ В этом письме, адресованном властям ССР Абхазии, Филипп Махарадзе (1868–1941), нарком земледелия ССР Грузии, просит переселить в Абхазию крестьян из Рачи. Задолго до создания треста «Абхазпереселенстрой»...

там острое малоземелие усугубляется еще от разных стихийных бедствий, вследствие чего очень часто целые деревни сносятся от разливов и т.д. В силу всех этих обстоятельств, крестьяне Рачинского уезда вынуждены, оставив у себя в деревнях свои семейные очаги, искать себе заработка, где только возможно.

Рачинских крестьян можно встретить везде и всюду не только по всей Грузии, но и дальше за ее пределами.

Но, как вам должно быть известно, при переживаемом теперь острым продовольственным кризисе посредством отхожих промыслов обеспечить себя и свою семью абсолютно невозможно и мы являемся свидетелями вымирания и гибели самой трудолюбивой и самой выносливой части крестьянства Грузии.

Смотреть на все это хладнокровно нельзя.

В виду всего этого и вследствие ходатайства одной группы крестьян Рачинского уезда, около 100 домов, я обращаюсь к вам, товарищи, с просьбой разрешить им поселиться на свободных землях Абхазии в районе Псхури. Ваше согласие на это наше ходатайство явится новым доказательством тех братских уз, которые издавна существовали и будут существовать между двумя братскими соседними народами Грузии и Абхазии.

Передайте от меня самый искренний и горячий привет трудящимся массам Абхазии и мои самые лучшие пожелания.

С тов. приветом Ф. Махарадзе.

«Голос трудовой Абхазии», 7 декабря 1921, № 116

ПАМЯТИ С.С. КОШКО

2 декабря, в 6 часов вечера, в 1-й советской больнице, на 52-ом году жизни скончался хирург амбулатории Страховой кассы Степан Степанович Кошко, еще полный сил и энергии, от гнояного заражения крови. Он родился в небогатой семье под Москвой, на хуторе, арендованном отцом, отставным офицером. 5-ти лет от роду он лишился матери, с 10-тилетнего возраста он жил и учился в Москве, куда переехал его отец, чтобы дать детям образование. Окончив 1-ую московскую гимназию, он поступил

на медицинский факультет московского университета, который и окончил 22-х лет от роду. Как стипендиат он был тотчас же командирован в Уфу на борьбу с холерой. Закончив успешно свою миссию, он, чтобы отслужить свою стипендию, поступил на военную службу, и продолжал ее почти до конца своих дней; ему пришлось большей частью служить в Закаспийском крае и на Кавказе, участвовал в японской кампании, где был контужен, а также в последней войне с Германией. В 1907 году он приобрел участок земли, на котором постепенно из маленького пансиона, благодаря его личному труду и старанию, выросла 1-ая в Сухуме санатория, в которой перебивало не мало больных со всех концов России, и потому имевшая большое влияние на развитие Сухума, как курорта. С самого начала утверждения Советской власти в Абхазии занимал должности хирурга 1-й Советской больницы, а затем заведующего родильным приютом и батарейного врача, а в последнее время был помощником заведующего и хирургом амбулатории Страховой кассы. В общественной жизни принимал участие, как гласный городской думы. Приблизительно 10 ноября, заразившись, по-видимому, при работе в амбулатории, он заболел: у него образовался фурункул на волосистой части головы и, несмотря на то, что скоро стал лихорадить, он продолжал свою работу по приему больных в амбулатории, не обращая должного внимания на свое заболевание и только 18 числа, когда появились грозные симптомы заражения крови в виде множественных нарывов, он слег и больше не поднялся. Он умирал в полном сознании неизбежности рокового исхода, как честный работник, отдавший всю свою жизнь родине, в сознании исполненного жизненного долга. Мир праху твоему честный, скромный товарищ.

А. Меерович¹

Голос трудовой Абхазии, 7 декабря 1922, № 279

¹ Аарон Меерович – известный до революции и в раннее советское время сухумский врач.

НЕГРЫ В АБХАЗИИ

(От сухумского корреспондента)

Увидеть в Сухуме негра – заурядное явление. На базаре, в правительственных учреждениях, в магазинах нередко можно встретить этих черных людей, в которых лишь цвет кожи да желтые белки глаз выдают их расовое происхождение: в остальном – покроем платья, речью, манерою говорить, умением держаться на лошади – они ничем не отличаются от местного населения.

Какая судьба забросила их сюда? По данным профессора Б. Адлера, возглавлявшего недавно посетившую Абхазию антропологическую экспедицию 1-го Московского университета, абхазская колония негров по численности своей является единственной в СССР; небольшие негритянские колонии находятся еще вблизи Батума, в Мегрелии и на Северном Кавказе.

Некоторый свет па историю возникновения негритянских поселений проливает абхазское научное о-во: в первой половине прошлого столетия отдельными абхазскими, мегрельскими и черкесскими князьями практиковались разбойничьи набеги на местное население, которое они на невольничьих рынках Турции, Египта, Африки, Каира, Алжира и Абиссинии продавали и обменивали на черных рабов; таким образом, разновременно в Абхазию было завезено несколько сотен человек негров, часть которых впоследствии крепко осела на землю.

Сейчас здесь негры проживают, главным образом, в селениях Кодорского и, отчасти, Гальского уездов, в общинах Тамыш, Адзюбжа. Поквеш, Моква, Бедия, Квитаулы [Кутол], Джгерды, Цхенис-Цхали и Киндге, по 1–2–3 семьи в каждом селении.

Всех негритянских хозяйств около 20, численностью своею не превышающих 60–70 человек. Между прочим, сами негры называют себя почему-то арабами и называют своей родиной Арабистан.

Вот, что рассказывает самый старый из абхазских негров, столетний Сеид, с которым мне привелось познакомиться в селении Тамыш. Четырехлетним мальчиком, вместе с 2–3 стами родичей, он был завезен в Абхазию из Африки, где их пленили

торговцы живым товаром. Несколько десятилетий рабы в качестве «арапов» служили утехой абхазским князьям и дворянам; часть же соплеменников Сеида была увезена в Петербург во дворцы. После отмены крепостничества несколькими семьям посчастливилось выехать на родину; остальные обратились с петицией к начальнику Сухумского округа о наделении их землею и создании обособленного негритянского поселения. Однако, землю получили не все и большая часть «свободных» негров попала в еще большую кабалу, оказавшись проданными разорившимися князьями зажиточным крестьянам. Сеид оказался в числе последних.

...Первое время абхазцы чуждались черных пришельцев. Сеид вспоминает:

– Укратит кто-нибудь у абхазца лошадь, общество сейчас же винит в воровстве негра, клеймя позором всех нас... Тяжелое было время.

Но постепенно крестьяне настолько привыкли, сжились с неграми, что стали доверять им своих детей, отдавая их на воспитание кормилицам-негритянкам. От абхазцев негры переняли решительно все – язык, обычаи, платье, утварь, способы ведения хозяйства. Большинство негров носит абхазские имена и фамилии.

Понятно, что старики абхазцы, в особенности «почетные», относились к бракам с неграми враждебно. В Адзюбже один такой старик, недоуменно разводя руками, являл передо мною свое горе:

– Долго я не мог смириться с мыслью, что дочь моя вышла замуж за арапа. Когда появился у них ребенок, обрадовался: вижу – светлый мальчик родился, но с годами он почернел и стал, как змея. Ночью увидишь, испугаешься... Какой же это человек? – безнадежно махнул он рукою.

Эта чуждаемость и скрытое полупрезрительное отношение старшего поколения абхазцев к неграм замечается и поныне. Молодежь же считает негров равными себе людьми и негры настолько в настоящее время слились с населением, что в метриках и загсовых бумагах пишут себя абхазцами. Этим и объясняются отсутствие в Абхазии точных статистических сведений о неграх.

Специалисту-этнографу здесь представится непочатый край

исследовательской работы. Отголоски далекой Африки, несмотря на вековую нанесенную на быт негров наслойку абхазской культуры можно подметить и поныне. Так, полностью переняв от абхазцев обычай поминать умерших, негры производят поминальные ритуалы в допускаемые религией дни – четверг и пятницу: абхазцы же поминают во вторник и субботу. Интересно указать, что даже вековое зло Абхазии – с таким трудом изживаемая теперь кровная месть и та коснулась негров, насчитывающих уже свои жертвы, павшие от кинжала кровника.

Почта все они могут объясняться на абхазском, мегрельском, русском и турецком языках. Они весьма музыкальны: занесенную в селение новую песню, новый танец одними из первых переимут негритянские дети. Как-то в Адзюбжу впервые попала гитара; первые, кто научились играть на ней, были негры. В той же адзюбжинской общине в прошлом году председателем сельсовета был выбран негр Шаабан Хабаш, который, кстати, является кандидатом коммунистической партии.

Не менее интересно проследить процесс метизации абхазских негров, выработавший в последнем поколении совершенно новый антропологический тип полу-негра – полу-абхазца. Сеид – негр чистой суданской крови: скуластое темно-шоколадного цвета лицо: широкий расплюснутый нос: выпяченные, лиловой окраски губы; желтизна белков глаз и ногтей: немного срезанные в верхней части оттопыренные уши и жесткие, курчавые, шерстообразные волосы.

Корбая – метис из Адзюбжн. Мать его абхазка и она ему передала удлиненное лицо и мягкость волос, на носу его легла отличительная абхазская горбинка; от отца еще осталась заметная выпяченность губ, но зато окраска кожи перешла уже в блестящие, медно-коричневые тона. А семилетний красавец мальчик, моквинский пионер Ширин лишь излишним, каким-то прокопченным загаром, да юркими желтенькими глазенками выделяется в среде абхазской детворы.

От абхазцев негры переняли стройную осанку. Подобно абхазцам они обладают выдержкой и умением держать себя с приличным абхазцам достоинством.

Поражает в неграх их физическая сила и железное здоровье. Несмотря на однообразие скудной пищи, малярию и негиги-

нические условия жизни, все они очень долговечны и выглядят значительно моложе своих лет. Столетнему Сеиду нельзя дать более 60–65 лет; он бодр, обладает крепкими зубами, хорошим зрением и слухом. Хабашу – близко к 50-ти, но он производит впечатление чуть ли не молодого человека; бабушка Хабаша – Халима умерла в Абхазии 100 лет от роду.

Живут негры значительно беднее абхазцев. Негритянский домик мало чем отличается от их африканских шалашей: это – чаще всего плетеная из прутьев, немазаная постройка, без окон, с очагом на земле. За последние годы негры стали заниматься табаководством, но бюджет их заметно еще отстаёт от бюджета абхазцев. Бедность эта стала мне понятной в простых, незамысловатых словах Сеида; ведь – негр впервые стал человеком лишь при советской власти.

Прощаясь с Сеидом, я попросил его разрешить сфотографировать его. Лицо старика омрачилось воспоминанием, и он сказал:

– Давно это было. Тоже снимали... Приехал к нам какой-то в эполетах из Сухума и приказал снять себя со мною и черной лохматой собакою. Я и сейчас этой обиды забыть не могу.

Снявшись, Сеид обратился ко мне:

– Напишите на карточке, пусть знают все, что это первый на земле негр, получивший свободу.

Этим Сеид хотел сказать, что его одноплеменники в Африке, Америке и Австралии до сих пор еще находятся в рабстве.

Заря Востока. 24 апреля 1928, № 94

Материалы рубрики подготовил А.Я. Дбар

Портрет О.Ф. Томара. 1892 (написан в усадьбе Киреево)

Ольга Федоровна Томара (1870–1952) – артистка; жена Михаила Львовича Томары (1868–1942), который в 1904–1905 гг. был Сухумским городским головой, в 1910–1921 гг. – управляющим Сухумским отделением Азово-Донского коммерческого банка, в советское время – членом Абхазского научного общества.

Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) – депутат II–IV Государственных дум России, автор ряда книг.

2 марта 1917 г. Шульгин принял (вместе с А.И. Гучковым) документ об отречении от престола императора Николая II. После Октябрьской революции боролся против Советской власти, был одним из организаторов Добровольческой армии. Затем оказался в эмиграции. В 1944 г. советские войска задержали его в Югославии и вывезли в Москву. В 1947 г. был приговорен к 25 годам заключения за «антисоветскую деятельность»; в 1956 г. освобожден по амнистии. Остаток жизни прожил в СССР, в основном, в г. Владимире, под надзором КГБ, но с правом перемещаться по стране.

На первой (сухумской, 1961 года) фотографии (справа налево): Василий Витальевич Шульгин и супруга его Мария Дмитриевна Шульгина-Седельникова с неизвестным. На обороте снимка дарственная надпись: «Марку Константиновичу Касвинову¹. В. Шульгин. 1974». Архив Л.А. Лыковой.

На второй (слева направо): В.В. Шульгин, М.Д. Шульгина-Седельникова, Н.Н. Браун, секретарь Шульгина, поэт-монархист. Гагра, 1966.

¹ М.К. Касвинов (1910–1977) – советский журналист, историк, автор книги «Двадцать три ступени вниз» о царствовании императора Николая II.

2 сентября 2025 г. состоялось рабочее совещание министра культуры Даура Кове с сотрудниками Музея Н.А. Лакоба.

По поручению президента Бадры Гунба министр культуры Даур Кове и заместитель министра культуры Динара Смыр провели 2 сентября рабочее совещание с заместителем директора Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба Станиславом Лакоба и сотрудниками музея.

Основной темой обсуждения стала организация экспозиции музея.

На встрече обсуждались текущие и перспективные планы по обновлению и улучшению музейной экспозиции.

В заключение совещания представители министерства культуры подчеркнули свою готовность поддерживать инициативы музея и оказывать необходимую помощь.

Министерство культуры РА

13 сентября 1925 г. в Гудауте скончалась Валентина Леонидовна Галагутова, много лет проработавшая библиотекарем в АБИГИ. Дед ее, Петр Гаврилович Галагутов был крестным Нестора Лакоба. Когда Валентина Леонидовна родилась в 1936 г., ее из роддома привезли домой на машине Н. Лакоба.¹

19 сентября 2025 – Sputnik. Пять банкнот выпустил Банк Абхазии, рассказал «Апсныпресс» председатель Нацбанка Абхазии Беслан Барателиа.

«В следующем году ожидается выход двух последних в рамках этой серии – 250 апсаров, посвященных Нестору Лакоба, и 5 апсаров из серии “Флора и фауна Абхазии”, на которой будет изображена красная бабочка», – отметил он.

По его словам, после выпуска этих номиналов серия будет считаться завершенной и будет включать семь банкнот – от самой высокой в 500 апсаров, посвященной первому президенту Абхазии Владиславу Ардзинба, до самой низкой – 5 апсаров.

¹ См.: Молчаливое поколение / авт.-сост. С.З. Возба. – Сухум, 2023. – С. 145.

Он подчеркнул, что в соответствии с законодательством Республики Абхазия, дополнительная эмиссия банкнот этой серии невозможна.

20 сентября 2025 г. ушел из жизни Станислав Зосимович Лакоба – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории АБИГИ, общественный и политический деятель, заместитель директора Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба, главный редактор альманаха «Нестор».

9 октября 2025 г. в Национальной библиотеке имени Ивана Папаскир прошла презентация книги воспоминаний абхазского государственного и общественного деятеля, депутата Верховного Совета Абхазии Климентия Джинджолия (1952–2021). Она издана под грифом Абхазского исторического общества и Историко-мемориального музея Нестора Лакоба. Редактор книги, автор предисловия и комментариев – Станислав Лакоба.

В книге описываются события предвоенного времени и Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов.

На презентацию книги «Воспоминания» пришли друзья и знакомые Климентия Джинджолия, собрался круг людей, живших в одно с ним время.

ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ Н.А. ЛАКОБА

2018 год:

1. Дочь за отца... отвечает! (Тайны семейного архива Анатolia Вардания и Вероники фон Белински) / сост. С.З. Лакоба, А.Я. Дбар. – Сухум, 2018. – 61 с.

2021 год:

2. Гурко-Кряжин В.А. Абхазия. – Сухум, 2021. – 32 с. (Библиотека Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба. Вып. 1).

2022 год:

3. Нестор: альманах. № 1. – Сухум, 2022. – 64 с.

2023 год:

4. Нестор: альманах. № 2. – Сухум, 2023. – 68 с.

2024 год:

5. Нестор: альманах. № 3. – Сухум, 2024. – 96 с.

6. Нестор: альманах. № 4. – Сухум, 2024. – 108 с.

7. Стеллецкий И.Я. По забытому Кавказу. – Сухум, 2024. – 80 с. (Библиотека Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба. Вып. II).

8. Газета «Голос труда» / Сост.: Е.Г. Гегия, А.Я. Дбар. – Сухум, 2024. – 44 с. (Библиотека Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба. Вып. III).

2025 год:

9. Нестор: альманах. № 5. – Сухум, 2025. – 114 с.

10. Газеты «Известия...» и «Наш путь»: Сборник / Сост.: С.З. Лакоба, А.Ф. Авидзба, А.И. Джопуа, А.Я. Дбар, Е.Г. Гегия. – Сухум, 2025. – 368 с. (Библиотека Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба. Вып. IV).

11. Бюллетени «К новой школе» и «Бюллетень Распорядительного комитета Первого съезда деятелей краеведения Черно-

морского побережья и Западного Кавказа»: Сборник / Сост.: С.З. Лакоба, А.Я. Дбар, Е.С. Салакая. – Сухум, 2025. – 168 с. (Библиотека Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба. Вып. V).

12. Печатные издания Советской Социалистической Республики Абхазия (1921–1931): Сборник. Вып. I / Редколлегия серии: С.З. Лакоба, А.Ф. Авидзба, А.С. Габелая, Е.Г. Гегия; Сост.: А.Я. Дбар, А.И. Джопуа, Е.С. Салакая. – Сухум, 2025. – 138 с.

13. Печатные издания Советской Социалистической Республики Абхазия (1921–1931): Сборник: Выпуск II / Сост.: А.Я. Дбар, Е.С. Салакая. – Сухум, 2025. – 145 с.

14. Печатные издания Советской Социалистической Республики Абхазия (1921–1931): Сборник: Выпуск III / Сост.: А.Я. Дбар, Е.С. Салакая. – Сухум, 2025. – 218 с.

15. Лакоба С.З. Берия: абхазская новелла... – Сухум, 2025. – 54 с. (Библиотека Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба. Вып. VI).

16. Варвара Бубнова: Альбом / Сост., автор текстов и комментариев С.З. Лакоба. – Сухум, 2025. – 44 с.

НЕСТОР

Альманах № 6

Редактор – А.Я. Дбар
Верстка – Е.Г. Гегия
Обложка – А.З. Лабахуа

Фото на обложке:
В 1933–1935 гг. в Сухуме построена гостиница «Абхазия»
(архитекторы А.В. Щуко и В.Г. Гельфрейх)
и высажена аллея пальм «Вашингтония» в октябре 1936 г.

Подписано в печать 24.11.2025 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. лист 8

Тираж: 50 экз.

Отпечатано в соответствии с
предоставленными материалами
в типографии АГУ

г. Сухум, ул. Университетская 1.
E-mail: tipografiya.agu@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК